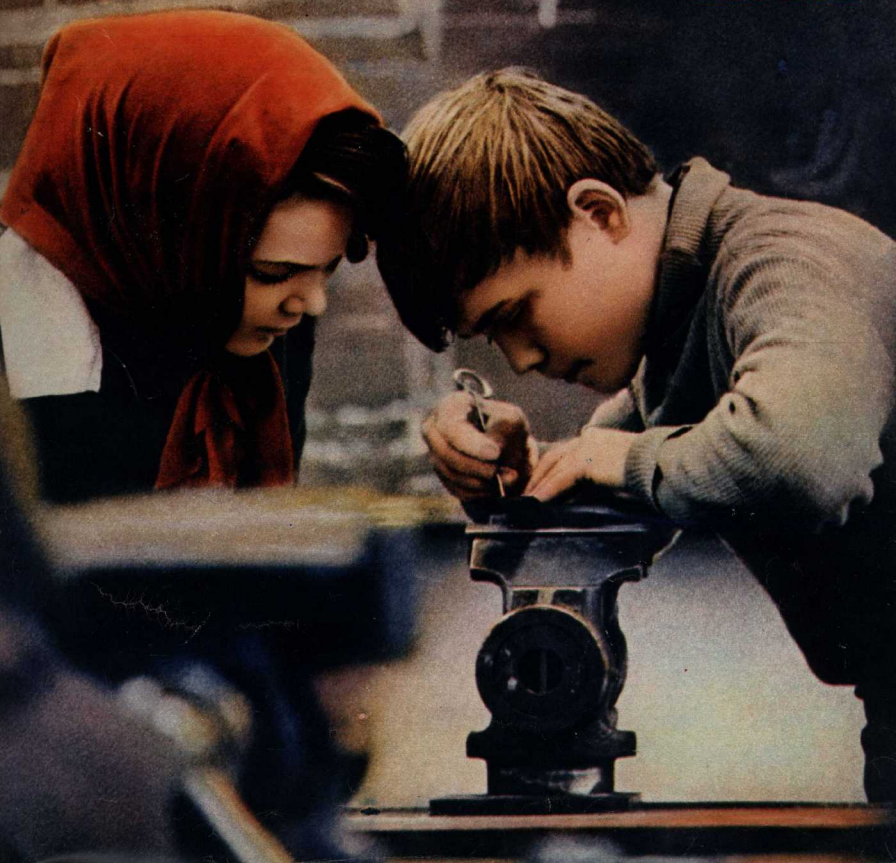


# СМЕНА

№ 6 МАРТ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

**ПУСТЬ  
МЕНЯ  
НАУЧАТ!**



Что такое социальное развитие коллектива и какое участие в нем может принять комсомол?

Сочетание индивидуального подхода и массовости в работе, комплексный охват молодежных проблем — производство, учеба, быт, досуг — вот что дает комсомольской организации план социального развития коллектива.

В статье речь пойдет о творческом поиске комитета комсомола Рыбинского моторостроительного и Пермского телефонного заводов. Поиск этот интересен и поучителен и только своими несомненными достижениями, но даже ошибками, даже нерешенными проблемами.

Социальное планирование — дело новое. Естественно, что опыт вех, как и многих других комитетов комсомола, участвующих в претворении в жизнь планов социального развития своих коллективов, еще недостаточен для окончательного решения всех возникающих сложных вопросов. Обсуждение их будет продолжено на страницах журнала.

# СОЦИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВА И ЕГО РОЛЬ В ПРОИЗВОДСТВЕ

Игорь АЧИЛЬДИЕВ

## ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВА

ТЕМА: СОЦИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И КОМСОМОЛ  
МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: МОТОРОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД, Г. РЫБИНСК.

### НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ДВА УСЛОВИЯ КРУПНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ ПЛЮС АНАЛИТИЧЕСКИЙ АППАРАТ. ЧТО СЛУДИТ ВЕТЕР НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ?

Комсомол и социальное развитие коллектива — эта тема сегодня буквально носится в воздухе. Ее обсуждают в переписках между объединениями и заседаниями, о ней спорят в горномах и обкомах. И лишь два или три раза она прозвучала на всю страну в печати. Так же редко она появлялась и в отчетных докладах различных комсомольских органов — от обкомов до заводских организаций.

Создается досадное положение. С одной стороны, комсомольские активисты наслышаны о преимуществе плана развития коллектива, где комсомолу отведена важная роль; с другой — почти полная неосведомленность о реальном положении, о конкретных путях составления такого плана, о том, что должен и может сделать комсомол, чтобы занять подобающее ему место в этой деятельности.

Социальное планирование в наше время научно-технической революции — закономерное явление: появилось оно далеко не случайно, это не мода, не временное увлечение.

В последние годы резко увеличилась цифра крупных заводских организаций с числом членов более тысячи. Это явление. Наша промышленность растет невиданными темпами, она строится на основе круп-

ного производства, оснащенного новейшей техникой. На огромных заводах масштабы комсомольской деятельности колоссальны. Но и условия работы сложнее: комитет комсомола представляет многотысячный отряд молодежи и является не только на отдельные судьбы молодых рабочих; он имеет дело с социальными явлениями. Его решения нередко определяют ход, движение общественных процессов в коллективе.

Но это лишь одно из последних научно-технических революций. Управление крупным предприятием, научное управление требует рожкового усиления информационно-аналитических служб. Конечно, в первую очередь приспосабливаются к этой новой деятельности старый аппарат: отделы труда и заработной платы, всевозможные ОГМ и ОГИ, бухгалтерия и снабжение. Но скоро по мере роста культуры управления оказывается, что одних отделов недостаточно. Чтобы лучше организовать производство, надо знать настроение коллектива — на завод приходит психолог. Надо знать личные планы каждого рабочего: где он думает учиться, как устроится его дети, занимается его отношения с мастером. И еще тысяча загадок, которые расширять его в состоянии привычные управленческие службы.

На заводе работает социолог, потом и жена лаборанта, крупному предприятию оно по средствам. Постепенно комплектуется мощная исследовательская машина.

В сочетании оба фактора — гигантский масштаб деятельности и

хороший информационно-аналитический аппарат — позволяют коллективу манипулировать и в какой-то мере управлять своим развитием. Именно эти факторы приводят к первым, сначала робким, а затем все более уверенным попыткам создать план социального развития коллектива.

Поскольку процесс этот объективный, позитивный, так сказать, помимо воли секретарей комитетов, то хотелось бы его хоррошенько, но thorough, обдумать. Представить что последствие — и социальные и для практической деятельности комсомольских активистов. Что от несет с собой?

Что случит нам этот ветер новых возможностей?

На завод после школы пришел молодой рабочий. К семнадцати годам он получил третий разряд, в двадцать закончил техникум, в двадцать три женился, в двадцать четыре обратился в комитет за помощью — нужна квартира, скоро не требуется аска. В двадцать пять он поступил в институт — надо готовить ему должность инженера...

Мы не можем назвать фамилию рабочего — таких много. Это, если хотите, модель, типизированная судьба. Она из десятка или сотни — точнее скажут социологи.

Изучение жизненных планов и биографии каждого члена коллектива может дать достаточно точные исходные данные для решения социальных ребусов и криптограмм: какого масштаба должен быть при заводе техникум? Нужен ли заводу филиал вечернего института? На сколько место надо строить аска, на

сколько — детский сад и базовую вечернюю школу? И даже сколько должно работать на заводе девушек, чтобы нормально складывались семьи и не приходилось ивановским ткачам кататься за мужьями в Донбасс...

Сегодня на нашем заводе 300 слесарей, через три года потребуется всего десять: придет новая техника, автомат заменит человека. Что прикажете делать? Увольте 290? Сейчас — нельзя. Значит, три года человек будет работать на заводе и чувствовать свою временность, свою ненужность в будущем? Сколько неуверенности, сколько «текучести», сколько прогнозов и прочих антиобщественных явлений способна породить (и ведь породит!), такая психологическая установка.

Кроме того, заводу потребуются не слесари, а мастера, инженеры. Где их взять? Надо учесть именных слесарей, дать им благоприятную перспективу жизни на заводе.

Комплексный план социального развития коллектива тем и хорош, тем и удобен, тем и прелестен, что позволяет сочетать личные планы каждого молодого рабочего с развитием завода.

Иное дело, комплексное планирование не нацелено от всех бы; как мы увидим, это частная современная научная организация труда. По своему размеру в нем — близкая к производству, на технику заводов, на культуру труда, на его интенсификацию, на трудовую дисциплину.

Комсомольские активисты поистине преумножают массу планирования: оно сочетает массовую работу с ин-

дизайна, соединяет личные устремления каждого молодого человека с общественными, с общекolleктивными. Происходит как бы приращение частной и личной — вот какой! Мы делаем выводы, как это происходит на практике, а пока укажем на его одну особенность социального планирования.

Как предполагал некоторую перспективу длительного развития. Как правило, это срок в пять — десять лет. Закреплены на комсомольских определенных частях плана выделены важнейшие звенья общепромышленной работы, над которыми комсомол будет работать и завтра, и через пять лет, и через десять. План тем самым обеспечивает стабильность и ирреверсивность в работе комитета комсомола, которые по мере развития утрачиваются после выборов.

Так что же такое социальное планирование на практике? Как и кому подступиться? Каком местом должна определять себе комсомольская организация этот важнейший дел и на разных этапах его осуществления? Какие вопросы предстоит решить и какие на этом пути поддержать нас трудности, мели ошибки? Какие машины и печальны радости?

Признается честно: ответить на все эти вопросы мы не сможем. Рецидив выписывать не собираемся. Рекомендаций давать не будем. Наоборот, благодарим всех, кто имел мужество пройти первым этот путь, набить себе шишки и заработать свой опыт, но преодолеть трудности!

Мы попытаемся как можно объективнее и полнее рассказать о первых шагах социального планирования, какие предприняли в Рыбинске и Пермь на двух крупных заводах. О людях, занимающихся этим планированием, превращающих его в жизнь. Вместе с ними порадуемся их удачам и вместе же попытаемся разобраться в причинах некоторых промахов.

А теперь — в Рыбинск!

## РОЛЬ И МЕСТО КОМИТЕТА КОМСОМОЛА: ПЛАН ГОТОВИТ СПЕЦИАЛИСТ, КОМСОМОЛ ВЕДЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лев Калугин, секретарь комитета комсомола Рыбинского моторостроительного завода, человек спокойный и очень нерасговорчивый. Слова капают на вытеснен. Он коренной и истово-честно слушает, обдумывает, прикладывает, словно соотносит сказанное нами с чем-то своим, выношенные долгины разрабатывать, и лишь потом скажет свои два слова. Кажется, сказанное Калугиным — истина в последней инстанции. И это не только свойство его ума. Лев Калугин угадывает омыты. Инженер-механик, заводчик здесь же, на заводе, институт, молодой коммунист, он вот уже пять лет бесценный секретарь на заводе, где ослепло плещет комсомольский Огромай, не поддающийся оценке опыты.

Впрочем, надо сказать несколько слов не только о нем, тем более что не он первый выдвигает мысль создать комплексный план социального развития на Рыбинском моторостроительном. Началось вообще не с комитета комсомола.

И тут, видно, своевременно сказать о роли, месте, которые, на наш взгляд, должен занять комсомол на заводе при социальном планировании.

Конечно, многое зависит от чисто личных причин, инициатором этого первоначального дела может

явиться и комитет комсомола. Он способен подтолкнуть инициаторов к себе среди руководства, в партию и местное. Но было бы нелепо, практически невозможно возложить эту работу комитету комсомола. Ила, что еще абсурднее, проводить ее силами одной комсомольской организации.

И в Рыбинске и, затаив вперед, в Пермь комсомол привнес самозащитное участие на всех этапах социального планирования. В Пермь на телефонном заводе почти все социологические исследования были выполнены силами комсомольских активистов. Они распространяли анкеты, брали интервью, собирали исходные данные. (Существенно, что социологи обучали активистов методике опроса.) В Пермь, правда, дело было проще: ведущая лаборатория социологического лаборатория завода — бывший секретарь обкома комсомола, контакт с комитетом у нее полный. И в Рыбинске комсомольцы много сделали для социологов. Но проекты планов и в Рыбинске и в Пермь готовили специалисты. Они систематизировали и обрабатывали материалы, они готовили анкеты и анкетировали их.

И тут было несколько этапов — маленьких, но важных. «Мозговой трест» из научных специалистов готовил наброски плана, черпая его контуры. Они обсуждались в партакме и в руководстве, в комитете комсомола и в местное. Потом возвращались в «мозговой трест» для доработки, уточнения, уточнения. Лишь после создания приемлемого проекта началось коллективное обсуждение плана.

Обсуждения, пожалуй, один из самых ответственных моментов социального планирования: решается, на наш взгляд, успех всего дела.

И вот почему. В этот период у каждого молодого рабочего происходит — по крайней мере должен происходить! — серьезный психологический сдвиг в отношении к коллективу. Молодой человек осознает, что если в плане записано: «К 1975 году на заводе не должно остаться рабочих с образованием ниже десяти классов» — то ему пора приниматься за учебу. От него ждет учебы коллектив. Учеба уже не личное желание, а обязательство, записанное в комплексном плане и скрытое за общими цифрами. Голосу за план, он тем самым голосует за свою личную судьбу, за перспективу собственного развития. За строительство стадиона, где ему заниматься спортом, за строительство базовой школы, где ему учиться, за выполнение исследований, где будут бегать его дети, — а он еще даже не знает, не учится, не увлекается ли спорт...

В ходе обсуждения плана совершается важнейшая комсомольская работа: воспитание человека, сплочение коллектива.

Вот почему нам кажется, что этот период — обсуждение комплексного плана — политически чуть ли не самый главный.

Во время обсуждения комсомольцы выдвигают различные предложения — иногда обоснованные, иногда фантастические. Каждое из них надо учитывать. Надо спорить и отстаивать ценные, тактически и стратегически важные предложения — в этих спорах рождается не только истина, в них выявляются коллективная воля, приобретаются дополнительные и обнаруживаются противники. Для комсомольского активиста ясное становится смелым и тактикой работы в коллективе.

После обсуждения комсомольская

Пролетарии всех стран, соединитесь!

# СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫМ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года  
Выходит два раза в месяц

№ 6 [1928]  
МАРТ  
1970

Наша обложка: учащиеся Московского профтехучилища № 128 Неля КАМУТГАНОВА и Анатолий КИРИКОВ. Фото Сергея ПЕТРУХИНА.



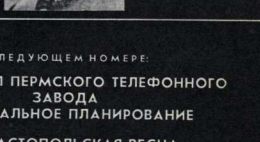
Репортаж «На улице Прокуряево» на страницах 8—13.



6 ПЕРВЫЙ ПОРТРЕТ ИЛИЩА. В мастерской художника Петра ВАСИЛЬЕВА.



26 ТРИ СОЛНЦА. Героическая судьба коммуниста Уллубия БУНАКСКОГО.



В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ: КОМСОМОЛ ПЕРМСКОГО ТЕЛЕФОННОГО ЗАВОДА И СОЦИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ВЕСНА. РЕПОРТАЖ ИЗ ГОРОДА РУССКОЙ СЛАВЫ

14 «ТВОЯ ПРОФЕССИЯ»... ДИАЛОГ С ГЕОЛОГОМ.

ВЛАДИМИР ЦЫБИН.  
ЛИРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ  
РЕДАКЦИОНА: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. И. Замощин, Р. Ф. Казанова, А. П. Мухомов, А. С. Лявдов, А. А. Лыанов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), Е. И. Рабинович, Г. В. Семосов, С. С. Самойлов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник Г. С. Терзибашянц Технически редактор Н. И. Будкина

организация вносит свои предложения, дополнения, изменения. Так было и в Рыбинске. План обсуждался всеми заводами, а по окончании на своих собраниях, на заседаниях актива, на комитете. Было множество баталий. Что-то отклонялось на первом этапе, что-то отклонялось при общем обсуждении. Что-то заносилось, и на чем-то надо было настаивать до конца. Когда в марте в 1968 году обсуждался окончательный вариант плана, по предложению комсомольцев в него были включены такие пункты, как строительство на территории завода нового молодежного кафе, новое отделение приобщения на тысячу мест, строительство спального лагеря на триста человек. Эти предложения были приняты как варианты для обсуждения. Углубившись в изучение комплексный план приборел, так сказать, силу внутреннего закона заводской жизни.

Из сказанного, думаем, понятно не только значение обсуждения комплексного плана, но и та роль, то место, которое должно — в идеале — занять комсомольская организация в социальном планировании. На Рыбинском моторостроительном комитете комсомола был одним из участников создания плана. Но главная роль в разработке плана принадлежала не ему и не Ляму Калугину лично. Скажем даже больше: комплексный план социального развития завода, на подготовку которого были затрачены усилия одного человека.

#### СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН — КОМПЛЕКСНЫЙ ПЛАН ЖИЗНИ ВСЕГО КОМПЛЕКСА НА ДЛИТЕЛЬНЫЙ СРОК

На заводе давно сложился совершенно особый климат — творческого поиска. Директор завода, кандидат экономических наук П. Ф. Давидов, секретарь парткома Г. М. Давыдов сумели создать такую атмосферу, что, кроме двух заводских социологов, все управленческие службы завода, все его общественные организации планировали в той или иной мере средствами управления и воспитания, но еще и аналитической работой. Сегодня если в конце дня нам потребуется сыпать, как работало тот или иной рабочий, то ответ мы получим немедленно: свой электронный-вычислительный центр имеет полную информацию о работе каждого работника в часах и минутах и даже очень высокая культура управления.

Но опять-таки комплексный план не творение рук Давыдовых. Плановые работники невозможны. Если хотите, даже вредно.

Почему? Чтобы ответить, надо рассказать, что же такое социальное планирование. Проще говоря, это ответ на вопрос, поставленный в самом начале статьи. Чем этот комплексный план отличается от прежнего плана работы завода? Он включает в себя не только производственный план комсомольской работы, какие есть на любом предприятии? Чем, вообще говоря, отличается социальное планирование от производственного?

Ответ может быть два. Один — очень простой: социальное планирование развития коллектива есть комплексное планирование на длительный срок. Если на такой ответ удовлетворит читателя. Придется отвечать развернуто.

В комплексном плане развития Рыбинского моторостроительного завода: строительство стадиона на 15 тысяч мест, возведение закрыто-

го 50-метрового плавательного бассейна. Сегодня об этом пункте выполняются. Бассейн построили в течение нескольких месяцев, а к началу, на его строительство каждой заводской комсомолки отработала по пять часов. И стадион сделал самым красивым в области. В состав стадионной заводская футбольная команда «Стартун», занявшая в прошлом году второе место в розыгрыше первенства РСФСР среди команд мастеров. Пять в этом году подругие мастеров класса «А». Там же тренируются и пять тысяч заводских спортсменов. Имя этого стадиона — на три часа здесь социальное планирование? Завод может иметь план по строительству, в выполнении которого полагается комсомолу? Или нет? И в каких-то бы социальное планирование, вероятно, не было бы ни стадиона, ни бассейна. У завода одна цель: выпустить хорошие моторы. Сама идея построить бассейн и стадион возникла в ходе разработки социального плана, как следствие задачи коллектива о здоровье и развитии молодежи. Социальное планирование предусматривает в числе показателей не только оздоровление и обеспечение условий труда, но и социальное развитие личности. А на этом пути стадион и бассейн — всего два единичных примера, есть и другие. Сейчас в городе строятся физкультурный, где соборят 2 тысячи студентов, из них 1 400 — молодежь.

План по строительству стадиона и бассейна — это не только план, а и с другими планами завода: по фондам снабжения, по работам, по налогам. Когда строители собрались бы возводить стадион, они бы узнали, по потребности ли новый бокс. Комсомольцы же все время сосредоточены на строительстве молодежного объекта. Такое, как правило, бывает с планами. Одного плана остаются приняты воспоминания, от другого — жалкие остатки, третий выполняется. Комсомольцы же не забывают о комплексности, не перебарщивают, разбивают задачи на конкретные работы.

Кстати, увидев, координируя различные планы в одном комплексном не мешают существованию комплексного плана. С помощью ЦК ВЛКСМ на Рыбинском моторостроительном заводе созданы два комитета: так: «Мероприятия комсомольской организации по выполнению плана социального развития коллектива». Не он уже не может, не имеет права на отдельное и независимое существование. Он вторичен, он упирается в комплексный план. Дополняет его, расширяет, но не разрывает. Где-где обгонит — за счет новых данных и своих комсомольских ресурсов. Он богатее данными, конкретнее датата. Но он не имеет права на отдельное и независимое существование. Дело не только в упоре отдельных планов. И не только в самом принципе обсуждения плана и завися от выполнения одного комплексного плана социального развития.

Однако и это все еще не полный ответ на поставленный вопрос. И не только в самом принципе обсуждения плана и завися от выполнения одного комплексного плана социального развития. Дело не только в упоре отдельных планов. И не только в самом принципе обсуждения плана и завися от выполнения одного комплексного плана социального развития. Дело не только в упоре отдельных планов. И не только в самом принципе обсуждения плана и завися от выполнения одного комплексного плана социального развития.

Планирование — это не только и не столько в самом принципе обсуждения плана и завися от выполнения одного комплексного плана социального развития. Дело не только в упоре отдельных планов. И не только в самом принципе обсуждения плана и завися от выполнения одного комплексного плана социального развития.

образования, разрешение жилищной проблемы, снижение уровня преступности, улучшение быта молодежи, повышение уровня культуры, показатели, которые почти невозможно выразить в цифрах, а многие цифры неизвестно где получить. Как можно представить себе конкретные числа прогнано?

Именно эта часть плана — самая уязвимая для критики, самая трудная для выполнения. Но вот факт, что в Рыбинске эта проблема была решена на их уровне и будет найден, говорит сам за себя. Если социальное планирование развития коллектива не может представлять эти вопросы в повестку дня работы комитета комсомола и научно их решать.

#### ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ И РАСЧЕТ. «КОМСОМОЛЬСКИЙ КОЭФФИЦИЕНТ» ОТ ДИСЦИПЛИНЫ И К СОРЕНОВАНИЮ, ОТ КАКТЕВЫХ ПРОДУКЦИИ — К ХАРАКТЕРУ РАБОЧЕГО

Надеюсь, после сказанного станет немного яснее, что на словах социальное планирование.

Но подем дальше. Обсуждение, выработка плана, как ни важно, на наш взгляд, — еще даже не половина дела, сложнейшее — его выполнение. Предстоит решить, кто и за что должен отвечать. На столе у Калугина лежит небольшая красная книжка. Это и есть тот самый комплексный план. В нем выделены самые главные направления подчеркнуто, к чему комсомол имеет отношение, в чем заинтересован и может помочь; красными черточками. Предстоит решить, кто и за что должен отвечать. На столе у Калугина лежит небольшая красная книжка. Это и есть тот самый комплексный план. В нем выделены самые главные направления подчеркнуто, к чему комсомол имеет отношение, в чем заинтересован и может помочь; красными черточками. Предстоит решить, кто и за что должен отвечать.

Что стоит за этой черной рамкой заинтересованности, равной степени ответственности? Об этом тоже можно сказать, это тоже имеет прямое отношение к работе комитета комсомола по плану социального развития коллектива. Еще совсем недавно выбор главного направления работы, главного звена, ухватившись за которое можно вытиснуть эту цель, определялся талантом руководителя. Его искусством. Считалось, что, как и любое искусство, оно не поддается математической контроле. Что оно в какой-то мере стихийно. Иная точка зрения была неслучайно, бессмысленна.

Но пришло научное управление, и многие ранее бессмысленные истины вошли в науку. Наука пришла в культуру управления, то в действие приходит математика.

Знаете ли вы, что такое «комсомольский коэффициент»? Впервые этот термин выдумал от Калугина. Стало распространяться. И выяснилось, что направления, за которые отвечает комсомол, в плане социального развития — определяются «эффеко-коэффициентом», но как бы на аушном пологом. И даже не общим головоушением — казалась бы, чего уж объективное и спойное, чем следовало пользоваться? Нет, они определялись расчетом.

Если в хекте сто человек рабочих, девяносто пять — комсомольцы и молодежь, а девять из них создают продукцию первого качества, то коэффициент — значит, проблема качества продукции — чисто комсомольская. Математический хох мысли здесь предельно упрощен. Но важно, что они помогли комитету комсомола ориентироваться в выборе направлений работы по плану. На 17 коэффициентов.

характеризующих уровень ИОТ и т.д., значит, комсомолу надо на свой контроль, всего шесть, и в первую очередь качество продукции дисциплину труда — как самое важное.

Именно именно трудовую дисциплину, когда нарушения дисциплины на заводе составляют сотые доли процента?

На первый действительно почти нет. Но проблема трудовой дисциплины остается. Правда, уже в иной форме. Речь идет о трудовой ответственности, приверженности труду, о высокой социальной ответственности. И здесь скажешь дальновидный расчет комитетов и Калугина, потому что соревнование стало ключом к решению другой важной социальной задачи.

...Герман Мельников пришел на завод подростком. Цех в первом же ряду оказался его: можно было и найдены. Обжился, огладелся. Пошел в заводской музей, рассказывал о трудовом биографии. В музее была социальная ответственность. На все жизнь завися от этого торжественный момент. Стал потихоньку привыкать к производству. И решил участвовать в соревновании. Не сам решил, конечно, мастер-наставник подсказал. Соревнование организовало цеховое комсомольское бюро. Боролся за звание «Лучший молодой рабочий». Потом, когда подняли итоги в комитете комсомола, директор своим приказом отменил звание.

Постепенно Герман приборел мастерство, получил награду. Начал бороться за звание «Лучший слесарь завода». Давным победил он в этом конкурсе и дважды занимал звание его грамотами и подразами. В минувшем году он занял второе место на областном соревновании слесарей «Лучший молодой токарь». Сегодня он ударник коммунистического труда. Такой же сложный путь прошли и его товарищи: токари Иван Денисов, слесари Владимир Фролов, токарь Александр Фролов. Они боролись на заводе за звание «Лучший молодой рабочий». Боролся около 500 подростков, около 90 процентов всех молодых рабочих добивались званием «Лучший молодой токарь, слесарь, фрезеровщик», а 700 человек завоевали право называться ударниками коммунистического труда.

Казалось бы, при чем здесь социальное планирование?

А вот при чем. На заводе внимательно изучали различные стадии соревнования, и мастера, и победивших. Социологи выделяли для определения группы молодежи, которые участвуют в той или иной стадии. В самом деле, было бы интересно предположить, что пришедшие здесь завод в коллектив примут участие в массовой форме движения — соревновании слесарей коммунистического труда. Надо первоначально понаблюдать в заводском цехе, разобраться что к чему, адаптироваться в коллективе. Освоить профессию, стать мастером. А тогда уже...

В этом и состоял главный расчет комитета комсомола: выявить у ребят стремление к мастерству, повысить качество продукции. Сегодня 95,5 процента всей продукции, выпускаемой комсомольцами, сделана с первого и второго раза. Это — результат работы общественной организации слесарей и токарей. В соревнованиях, когда разрабатывался и закреплена в плане социального развития, такие результаты были бы невозможны.

Теперь должно быть ясно, почему

при выборе участников плана комсомола выбрал и трудовую дисциплину и качество продукции? Они связаны не только внешне (от успехов в соревновании зависит и мастерство молодого рабочего), но и внутренне: вместе с ростом профессионализма мастера приходит идейная, человеческая зрелость. Приходит доброосознанность — сначала как одно из условий выполнения социальщественских обязательств, а потом как черта характера. А в этом одна из социальных целей плана.

Мы проиняли по первым ступеням комплексного плана: создавая его, обсуждая, определяя, а что должна отвечать комсомольская организация завода. Осталась «самая малость» — приговорение в жизнь, реализация плана.

На этом пути свои трудности, свои препятствия.

Пока же мы хотели высказать некое резюме с предостережениями.

### НЕ НАДО СПЕШИТЬ — ОТ ПЛАНА ЗАВИСИТ СУДЬБА ЛЮДЕЙ. ПРОГРАММИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ — СЛОЖНАЯ ЧАСТЬ ПЛАНА

Мы назвали лишь некоторые итоги работы комитета комсомола Уралского моторостроительного завода по социальному планированию. Итого, как видите, интересные.

Давайте же отдадим должное грамотной инициативе комсомольцев, что лежат на столе у Калугина. Передадим же с страниц, отметки про себя выходы плана. И приступим...

К чему? Да, конечно же, к немедленному, быстрейшему составлению аналогичного плана по своему заводу! Чего проше? Есть достояний подражать образцу. Сустретаются аналогии, с их помощью определялись основные показатели.

Именно от этого мы и хотим предостеречь.

Комплексный план социального развития составляется на долгие месяцы: от того, насколько он соответствует реальным перспективам завода и жизни коллектива, зависит судьба живых людей. Их желания, их стремления предостоят согласовать и предусмотреть в плане, чтобы привлек их инициативу, обеспечить им спокойствие, творческую работу, интереснейший досуг, нормальную семью — в общем, все то, что понимают под распыхиванием понятием «человеческое счастье».

До сих пор мы говорили о применении комплексного плана социального развития и явлениям, достоящим легко программируемым: строительство, соревнование, качество продукции.

Но самое-то сложное — программирование чисто социального. Как новоязык политическую активность молодежи? Добиться, чтобы не было случаев прогула и пьянства? Чтобы все рабочие на заводе получили среднее образование? Как снизить прокатную «текучку» кадров, не вна которой не успевались с человеком и поработать нормально, как, глядя, он уже переменялся на другой завод?

Все это задачи социальные, которые важно надо занести в план цифрами и постараться этих цифр достигнуть.

Но как, какими образом? Чтобы увидеть это, мы в следующий раз отправимся с вами в Пермь, на телефонный завод.

(Окончание следует)

Леонид МАРТЫНОВ

## Ночью по Замоскворечью

Ночью  
По Замоскворечью  
Белая машина мчалась,  
И остывшей хлебной лепшой

Будто булочник-кондитер,  
седевший пекарш хлеба,  
Кончил дело, руки вытер  
И усталится на небо.

Небо  
Темное огромно,  
И в ночи мерцают зюга  
Тепловозная Колома, цюлковская  
Калуга

И ружейная палата, в золотых  
медальях Тула  
Томе блещет зяму-лето  
В небе зыгуноского гула.



Этих звезд  
Не признавая,  
Подвернулся на ухабе,  
И очутился мостовая, сонно отав

по-ббим  
Там, где в узком переулке под  
мучнистой луной пылью  
Дремлют домишки-шантлюпи  
С кардамоном и ванилином

Но беснула  
Зашмельтея глосуб  
В ржавом сквере на болоте,  
Белый зыгуноский автобус  
грозмыслит на повороте

И азвоника, как будто в воздухе, чтоб  
увидеть издаലെ  
С тверди неба в этих звездах  
Тшшину Замоскворечья.

## Ледяной медведь

Не апервой  
Над самой головой

Грозная опасность нависала —  
От лавины этой снеговой  
Только разве бегство и спасало.

Не медведь  
К медовому дуплу,  
А с высот, где редок воздух свежий,  
Заворачивались в своем углу,  
В мир долины полз ледник

Медвежий.

Что ты хочешь,  
Ледяной медведь,  
Принимая стальной горы людям!

Впрочем, что бы там ты ни ответил,  
Как нам быть, по-своему рассудим:

Льбо  
Обудаем, укротим,  
Чтоб в полях текла твоя работа,  
Льбо в пар летучий превратим,  
Прямо в космос сбросим прочь  
со счета.

Вот  
И сбросим  
Затем, чтоб впердь,  
Поддавался на медовой запах,  
Не мечтал он, ледяной медведь,  
Порешить нас в снежных, хладных  
лапах.



## Возвращение Лады



Ты  
У славы  
Завялся премудрой Ладою,  
Домашнего хозяйкой омаго,  
И на торгах, гостей заморских радуч,  
Скупала ягтары и мечуга.  
Но вот и шюфы следом за Зяладюю  
Богос посланы к черту на рога,  
И перед византийскою лампадою  
Застыла неподвижна и строга...  
Ты Парасковей вельмачася Птичьей...

И вот к концу идет ХХ век —  
Колхозницей ты стала, акуртаринцей,  
Премудрая, топовый человек,  
И нуту рассудительнейшей товарицей,  
Чем Параскева Птичьина из Галича,  
Гладящая и колосце и жалнице  
Очым, как зеленые иванкошца,  
На белый свет аз-под колочных век,

Чтоб Ладою  
Я вновь тебя  
Нарек.

## Двойник

Во мгле ночей  
Под шелест нинг  
Во мне несный страх возник,  
Что я лишь чей-нибудь двойник.

Но я отравил не исчал  
Ни у картин, ни у зеркала —  
В свою природу я проник.

И я услышал: —  
— Приглядись  
К себе, как некогда Нарцисс,  
Склонись поближе к лону вод —  
И там себя увидишь ты!

Но даже там я был не тот:  
Смеялся отравленный лик,  
Что раб давит его черты,  
И он уже не мой двойник  
В могах ночей  
Под шелест нинг!

## С пути на путь

Ночь. Станция. Откуда-то подходит  
Локомотив, о чей-то заискивает.  
Точнок. Другой. Как видно,  
переводят —

Ведь вот в чем суть — с пути на путь  
состав.  
Так и пот по прозу переходит,  
От сумасшедшей ритмики устает.  
И не поймешь, к чему это приводит:  
Придет ли, оподальше наиверста,  
Он к новой славе, или в туман  
забвенья,  
Быть может, избегае столкновенья  
С какою-то встречней! Даже  
небесная

Не угадать, чем кончится, что будет...  
А за крушение стрелочника судят,  
Как будто бы не стрелочник ты сам!

Рисунок Владимира ПИМЕНОВА

## История первая

**Э**ти часы теперь не идут. И, наверное, уже не пойдут никогда. Но было время, когда в них что-то легкомысленно и вечно и они жили на его руке незаметно, но хлопотливо жизнью.

Конечно, часы всего-навсего вещь, но как это бывает в жизни, часто именно вещь напоминает нам о чем-то значительном, важном. Эти часы — его талисман. Он никогда с ними не расстанется.

В училище Павел влюбился в Элику. Он был с ней заботлив и таксов, потому что лишь с ней испытывал настоящее счастье. Она жила в себе, то, как он считал, наполняет жизнь особым, трепетным смыслом. Каждая встреча с ней была для него откровением. И он, конечно, не думал тогда, что именно из-за Элики он переживет самое тяжелое из испытаний. Элика не женщина, нет. Так звали курсанты реактивный истребитель «Л-19».

— Демонстратор отказал, удае Перелечко поднялся. Павла отчаянно врал рукоять управления, а самолет, теряя скорость, стремился к земле.

Павел видел, что самолет упадет прямо в лесок, и смелее перетянул через него, надеясь еще спасти себя и машину. Почти касаясь вершущем дереве, самолет перевалил через лес, и Перелечко увидел вперед себя свободное поле. На поле было много людей. Павлу навсегда запомнил за руки, поднятые в страхе... Люди работали, но о чем не подозревая, и вдруг прямо на них валялась машина...

У Перелечко был еще выбор. Он мог сделать прямо на поле машину — и будет что будет, он сам, пожалуй, останется цел. И никто за это его не осудит; машина была практически неуправляема. Но перевалить через поле — чуть дальше, где нет никого, было уже невозможно или почти невозможно. Машина, истратив остаток скорости, уже не садят, а рухнет, и шанс выжить для него самого останется ничтожным. Перелечко успел подумав об этом... и выбрал последнее.

Еще мгновение, потом сильный удар — и тишина. Колпачники подбежали к разбитой машине и замерли подле, глядя на неподвижную фигуру пилота. Они не знали, что этот человек, бесшумно сползающийся под стеной фонаря, боролся не за свою жизнь, а за них. Они стояли, не зная, что делать.

Потом летчики завеселились... закурили. Он сказал им: «Дорого повоево, что тогда нашлись сигареты...» Самым важным для него оказалось вдруг то, что в кармане лежала забытая папка. «Да, и знаете, еще что запомнилось! Я не видел лиц этих людей. Они стояли, как черные тени, и ни у кого не было лица...»

Так все закончилось. Но остались часы. Золотые часы. Это награда. Вручил их командующий. За тот полет, за посадку. Впрочем, не столько за это, как за другое: за мужество и за отвагу — эти слова в прочтении на задних крышке часов. Сутию слова, даже банальные, пока жизнь не наполняет их конкретным смыслом и содержанием.

На часах Перелечко эти слова были живыми.

Один летчик сказал им: «Да, повоево тогда Перелечко...» Да, вспоминал эту историю, думал: нет, возмне здесь ни при чем. Возмне — это другое: когда человек покорино отдаст себя на волю судьбы, и Павел дрался до самой последней секунды. Он победил, потому что был готов к этой борьбе.

Это не случай. Так должно было быть.

## История вторая

**З**амыгала была не Бог весь какая, невзрачная. Таких сколько угодно. Увидев ее на прилаве, прошел бы мимо, не подумав курить. Но за эту ему пришлось заплатить очне дорого.

Во время полета замыкнуло рукоять управления. Перелечко со всей силой, что была в нем, тянул рукою, но она не поддавалась.

Часы из руки начали слетать лютыми, тревожными и очне опасными.

День был тренировочным, летный, и в воздухе успели подняться многие. Командир полка тут же свел сам и быстро всех посадил — чтобы расчистить небо и полюсы — и Перелечко остался один: командир два года как бросил курить, а тут — сам не помнит, как это сделал... проткнул руку, взаил у кого-то сигарету и задумался.

Полковник готовился отдать приказ на катапультирование. Перелечко знал это и с напряжением ждал. Однажды в училище ему пришлось покидать самолет. Вот это «безуачность»: многие летают десять, пятнадцать и двадцать лет — ни ни разу не приходилось катапультироваться, а тут курсант, начинающий летчик, тогда еще совсем мальчишка — и все испытать. Жизнь, будто выбрав его и желая его задумать, толкала Перелечко и жар испытывает, после которых человек либо бросает летать, либо становится летчиком.

Сейчас Павлу вспомнилось то странное чувст-

во, которое нахлынуло вдруг, когда, готовясь катапультироваться, он снял ноги с педалей и отпустил рукоять управления — тогда он резко и неожиданно потерял связь с самолетом. Он стоял надыши сам по себе. Потом ему вспомнилось мощная, упругая сила, швырнувшая его из самолета...

Но в этот раз прыгать ему не пришлось. Визгимо Павла ощутил податливость ручек, потянул и почти крикнул: «Работает!» Полковник тут не отдал команду садиться. Когда Перелечко сел, подурлил к стоянке, отключил фонарь и вылез, кабыну самолета опечатали и приставили часового. Даже теперь за экспертизой комиссии.

Эксперты приехали, обшлели со всех сторон самолет, потом по створаме поднялись поближе к кабинке и заглянули через стекло. Первым, кто это сделал, увидел на полу замыгала. Она пала между истопом и тягами управления и потому не пускала их, не позволяя сдвинуться с места.

Замыгалау фотографировали, и с этом минутой она прерывалась в шестнадцатое доклателство. Ее показали Перелечко и спросили: «Твой?» Он взглянул и сказал: «Нет, не моя». А чья же? Перелечко пожал плечами. Генерал, председатель экспертной комиссии, поднял здоровый кулак, таямо поначал им и промолвил: «Знаешь, что я с тобой сделаю, если таря будешь?» И невозможно было понять — шутит он или всерьез говорит. Впрочем, какому ум шутит.

Все знали, что Перелечко курил и у него была замыгала, но, как это водится, никто не помнил — какая. Павла попросили ее показать, но он не нашел замыгала и сказал, что она потерялась. Получилось вроде бы, что эта замыгала с ней сваялась... Паршиваз замыгала, которая могла стоить жизни.

Леонид РЕПИН



Перепечко оторвался от нее еще сутки, а потом вдруг сообразил. Его назвали строго. Мне рассказали эту историю, и мне стало очень обидно за Перепечку. Потому что всегда бывает обидно, когда человек, в которого веришь, открывает в себе что-то такое, что ослабляет это доверие. И я думаю, не мог понять, почему Павел не сказал сразу, что заимгалка его. Я не мог поверить, что он тогда струсил. Это на него было так непопаче! Ну, просто не мог Перепечко отказываться. А он отказался.

Несколько дней я искал объяснение. И мне повезло. Но...

Я прошу прощения у тебя, Павел, за то, что рассердило танину, мне не принадлежало. И да простят меня члены комиссии: это была не его заимгалка.

Путь торжественат истинна!

Об этом мне рассказывал техник, которого не расспрашивали члены экспертной комиссии и который хорошо понимал Перепечку. Заимгалка принадлежала солдату-механику, одному из тех, кто готовил машину к полету. Незаметно она выскользнула у него из кармана. Я знаю имя солдата, но не стану его называть, потому что за Павел этого не сделал, я просто на то не имею права.

Теперь — почему он взял меня на себя. Это просто: солдата за происшедшее назвали бы значительно строже. Он механик — его обязанность осмотреть самолет.

А у Павла была заимгалка другая — антигская. Она ее выкинул, чтобы никто не увидел. А в кармане летного комбинезона для пущей убедительности еще в дырку прорезнул.

Давать не будем за это его осуждать! Как я уже говорил, заимгалка и так ему дорого стоила.

## История третья



се поднимаются, сдвигают бокалы. Мелодичный звон — и свержающее шампанское плещет через край. Шумно и весело, как бывает всегда, если собираются молодые, веселые люди и если к тому же у одного из них день рождения.

Сегодня день рождения у Перепечко. Ему двадцать пять лет, Круглая дата... Но в этот день с ним друзей не было. Не было вина и веселья. А было — темная, холодная ночь, и ревущее море, и одиночество. В тот день старший лейтенант Перепечко отчаянно дрался за жизнь.

Он был один в штормующем море, за много километров от берега. Поду унесло далеко от берега, и все его попытки удержать ее ближе к земле разбивались о жесткую преграду ветра и волн.

Уже много часов Павел боролся с волнами. Высокие, хвастные, они тут же выбрасывали его, едва он успевал залезть в шлюпку. И так без конца, час за часом — он лезал в лодку, и море тут же бил его и швыряло обратно. «Это было как сон... Я думаю, что это никогда не кончится...»

Однажды он слышал шум вертолета, но вертолет скоро уполз вдали. Потом среди волн он увидел два рыбачьих судна. Он ткнулся к ним, звал — все напрасно.

Утром, на рассвете, ветер начал стихать. Его мучила жажда, и он пил морскую воду. Было смертельно холодно. Он хотел посмотреть на часы, но ничего не увидел: было сумрачно, сильно мглоло, да и под стеклом часов пролилась вода. Те, кто их делал, не рассчитывали, что часы станут купать. Впрочем, это было неважно. Важно другое. Увидев часы, Павел понял: он не один, с ним все-таки вертел в него, Перепечко не жалеется, потому что так бы значило обмануть всех этих людей и обмануть самого себя.

«За ночь ветер подогнал его к фарватеру, который часто ходил судно. Море в току временно стало спокойнее, рева стал тише и глуше, и Павла даже слышал музыку, которая неслась с корабля. Но его не слышал никто!»

Перепечко сам гроб настрочил судам, а сам — их было много, — высокие, холодные, надменные шлюпки. Разве это думал на тех кораблях, что рядом мучается обессиленный человек и что ему немедленно нужно помочь! Нелегально, иначе уно будет поздно.

Почти в забытый увидев он, как один сейнер вдалеку круто свернул и пошел прямо к нему. Павел понял, что жать осталось недолго.

Когда его подняли на палубу, он еще мог стоять. Потому, когда его взяли под руки и повели в душ, ноги его не дрогнули, и он был устал, если бы корабля подкачали. Но он не отступил.

Павел поставил под горчиче струи, и тут он упал. Невольно — просто согнулся и опустился на пол. Потом его отвели в каюту, положили на койку, и он отключился.

Так Перепечко отметил свой день рождения. Четверть века. Круглая дата... С этого самого дня часы не идут.

Но это уже ничего. Самое страшное было потом. И это было действительно страшно. Его хотели списать. Он лежал в больнице месяца полтора-два. Павел чувствовал себя хорошо, боли не было, и он даже начал читать книги. Но потом послышалось такое. И что страшно, он не заметил — когда.

Он просил врача, умолял, но их решение было решено судами.

Павел заплакал и отправил в отпуск, не сказав последнего слова. И он уехал к родителям, так и не зная, летчик он теперь или нет. Для него это было кошмарный отпуск.

Перепечко вернулся и узнал, что будет летать. По-моему, он даже так пор не знал, какой обман своим спасением. Это его командир с заводским управством доназвал и убедил, что Перепечко невозможно списать. Я спросил его: «Почему вы так боитесь?» Он ответил: «Мне страшно, но я эти моменты спохоб было все: «Он любит летать». Полковник не из тех, кто «трах» спит, когда и так все понятно.

Но как Перепечко любил летать! Полет для него — сама жизнь, смысл жизни. Он только и жигет, когда садится в свой истребитель. И жизнь для него только в полете обретает запах и краску. «Он никогда не самозане давал и улетел перед собой вдаруг зркан. На нем — свои самолет и дже себя. Четко так, странно, невероятно — как тушью на ватмане... Это было так неожиданно, что в воздухе он горюшо, немая, никуда не деть... Или еще: «Юбкака свету» — как пальцы руть. Видели это? Они живые, блестящие, а над ними — аспидно-черное небо — стена и выше — свержающийся орел, в искусу и отголоске — блонне и блонне, дунаво — вот сейчас будет удар — я спался, награлся... И вдаруг — темного... Темнота и споконвоение...»

Перепечко неистово любил летать. Еще что любил! Рисовать. Искать в лесу коряшки — принудительные скульптуры природы. Еще что? Чтение. «Виблитоция у меня сейчас небольшая осталась — только всего тридцать». Я как никуда прочту, у меня ее забирают. Нет, просто я сам отдаю. Все, что есть у него, он отдает. Кингу ли, часть ли самого себя.

Последний раз я видел Павла на свадьбе. Женился летчик, его товарищ, меня пригласили. Перед этим Павел сказал мне, что не придет. Почему? Объяснить это трудно. Бывают минуты, — наверное, киндид об этом, знает — когда даже радость друга пережить очень трудно. Но поэтому, что завидно или обидно, что не твою эту радость, а потому, что за этой радостью чувствуется близость потер: друг улыбается так, когда он уходит. Он может еще остаться рядом, но он уже не с тобой. Больше он с кем-то другим. Это понятие!

Так вот, была свадьба, и я был за молодож и за летчиком, и все же без Перепечко. Я вдаруг он пришел. Не знаю, почему. Возможно, не вытерпел, возможно, устал от своего добровольного уединения. Но когда Павел вошел, все обернулось к нему, и он не оставил ни одного из друзей безобидно таямство возраста. Потом Перепечко прошел через зал, подошел к молодож, оперся руками о стол и стал что-то им говорить. Я не слышал, что, но видел, как жених и невеста за-улыбались — впервые за весь вечер открыто и радостно. Помните правильно: конечно, они улы-балась и до этого минуты — как можно в такой день не улыбаться — но только улыбка была. Искор радость разбавлялась смущением. Потом Павел выпрямился, снова прошел через зал, очень высоко, неловким внешне, оттого еще, что прекарсно возникла эта неловкость, и сел.

ИСКАЯ ВОЗНИКАЕТ ЧАСТЬ

Фото Германа МАКАРОВА

СМЕНА 5

К 100-ЛЕТИЮ  
СО ДНЯ  
РОЖДЕНИЯ

ЛЕНИН И МЫ

## СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ВРЕМЯ...

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Кронштадт, Кронштадт.

Ная, ная, завята мглысты,  
но сам он прикоснулся к синеве,  
как будто бы кремль, тающей искры,  
как будто бы стрела на тетиве.

Кронштадт, Кронштадт,  
как молота удары,  
как сердца возбужденные толчки.  
Поэтов из Башкирии недаром  
съезда позвали в гости моряки.

Молчат форты — громады боевые,  
готовые салют плеснуть в зенит.  
Заметил кто-то:  
— Выкрикну, впервые  
касается башкиры наших плит!.

Ошибся, друг!  
Хоть сила смяла силу,

хоть гром уломи вблизи и вдалеке,  
история Кронштадта не забыла  
о нашем легендарном земляке.

О вдохновенье!  
Недели торпеем  
того, кто обращается к годям.  
Ведь меня, веда, о вдохновенье,  
по старым, но нестершимся следам!

Гудят в волнение залы съезда,  
и от людей рабят в глазах.  
И тишь  
сдвигает сердце,  
и беспокойство в голосах.

Иные только что с позиций,  
иные только что с полей.  
Одежда старая лоснится  
заметной бедностью своей.

Им отдохнуть необходимо,  
покуда мирная пора.  
Но запах  
пороха и дыма  
стоит с утра и до утра.

Борцы, добывшие победу,  
прошли сквозь голод и сквозь смерть,  
чтоб все лишения и беды  
помочь народу одолеть.

И вдруг Шагит почти как радом  
увидел в зале Ильича.  
Казалось, новая Россия  
у ленинского шла плеча.

А вондъ поднялся на трибуну  
и оглядел сиятельный зал:  
так море, не стихая в бурю,  
за валом гонит новый вал.

Ильич о трудностях эпохи  
без предисловия начал так:  
с горючими и со светом плохом.  
В России голод — главный враг.

Так прямо говорить с трибуны —  
тут смелость Ленина нужна.  
Решала в трудовые будни  
из временною вести страна.

Солдат с войны вернулся к миру,  
в оставленный когда-то дом.  
В лесах немало дезертиров  
с винтовкой или с топором.

Бандиты прятуют до срока —  
идет опасная игра.  
Через невзгоды и уроки  
прозодит юная страна.

Враг не откажется от андич,  
никакая сиюмая за спиной.  
Изменою партийных фракций  
он начивает тайный бой.

И, чтобы помешать движению  
и дело приостановить,  
он губит время в словопренях,  
он танет сусловья нить.

Он внешне будет словно тот же,  
сумеет злобу сжать в кулак.  
Сегодня враг  
хитрей и тоньше,  
коварнее сегодня враг.

И потому-то так неистов  
матениников кронштадтских клич:  
«Советы — но без коммунистов!»  
А в зале выступал Ильич.

Он говорил, как будто душу  
наскозь словами пронизал.  
И затеино, надно слушал  
подавившись к трибуне зал.

Шагит гордится поколением,  
встающим твердо на борьбу.  
Гордится тем, что с ним Ленин,  
что свет врывается в судьбу.

Двадцатый век, И снова память  
к истоку танется, легка.  
На старейших уфимских камнях  
вступала Ленина нога.

Мы с Лениным отвоевали  
тот день, что светел и велик.  
Мы нашему народу дали  
когда-то отнятый язык.

# ПЕРВЫЙ ПОРТРЕТ ИЛЬИЧА

К 100-ЛЕТИЮ  
СО ДНЯ  
РОЖДЕНИЯ

ЛЕНИННАНА-70

Заслуженный деятель искусства РСФСР  
художник Государственной премии художник Петр  
Васильевич Васильев завершил серию портретных  
рисунков, объединенных темой «Ленин и народ»,  
посвящая эту серию столетию со дня рождения  
В. И. Ленина.

А когда и при каких обстоятельствах был  
сделан художником первый портрет Ильича?  
Об этом рассказ П. В. Васильева, записанный  
Р. Минасовым.







Плечо к плечу стояли грозно,  
буржуя, прогрядая путь,  
чтоб навая будущее и завесам  
смоло взломованно шагнуть.

...Съезд,  
А за рублем заране  
пророчат гибель сплохиза:  
«В России — новое восстане»,  
«В России — большевистской крах!»

Бернская газета в пене  
кричит, что Ленин предан Русь.  
Другая пишет: «Грошай — Ленин,  
два выстрела друг другу в грудь».

А Ленин  
говорит о главном.  
В нем плавая бьется все сильней,  
и он стоит, прямой, как правда,  
и сильный в простоте своей.

Петроград,  
Здесь заветную встречу  
назначают друг другу века.  
Над Кронштадтом  
визжае карточ,  
грохот взрывов и туч писка.

Скользящий лед, затанущий обмань,  
ветер, скатывающий наперез,  
и митингний тал, за туманом,  
словно густо разросшился лес.

Им Антанта — надежной опорой,  
Враг на них уповае не зря...  
Знать, вступила в струюную пору  
кольбель самого Октября.

Но решительно, в больш халатах  
предлагае вперед и вперед,  
подступают и форты делегаты —  
большевистской завкаси народ.

А фортам тумань владает,  
и промотор теснее, как бедау.  
Вот и Фрунзе идет, и Фадеев,  
Ворoshнов шагает по льду.

В эту злую, ненастную пору  
будет враг ненавистный разбит.  
В бой  
за волю Башкирских просторов  
неспроста устремится Шангит.

И несомно под грохот металла  
он предстанет, забрызган по снега,  
солоньеным зоры Урала  
и родного ауга луга.

Он предстанет, в градуеце веря,  
горных круч независимый ряд.  
Быстрину на родимой Ишере  
и далекой красавице взгляда.

И пожаром, и смертью, и чадом  
дышат в лица стальные форты.  
Лед крошат и крошатся сваряды,  
разбивая покровы темноты.

И двинуея сковаши тупо,  
и победя еще не близка...  
Но Шангит  
вместе с северной группой  
поднимается вновь для броска.

Перевел с Башкирского  
Вл. САВЕЛЬЕВ и Т. КУЗОВЛЕВА

НАТАША  
ТОФУН  
Гравюра Бориса ДОЛЯ

Три месяца девятсот двадцать второй год. Никогда прежде не унывавшая Одесса, полюбившая на пеструю, шумливую ярмарку, была необыкновенно тихой, скорбной и печальной. Было лето, голодно. А в институте на занятиях мы с незнакомым академизмом, словно не было вокруг разрухи, голода и смерти, писали тощую науку и бухгалтерские натуротомы. Внешне казалось, что мы живем своей, изолированной от бурь и потрясений жизнью, чинимся, так сказать, искусством. Но это только казалось. У нас шли ожесточенные драмы между сторонниками формалистических взглядов и приверженцами революционного, подлинно реалистического искусства.

При институте была создана производственно-художественная мастерская, которая выполняла по заказам всевозможные оформительские работы.

Однажды к нам пришли рабочие одного из предприятий города. Кажется, станкостроительного завода. Пришли небольшой делегатей.

Мы показывали им свои классы, кое-какие работы, рассказывали об искусстве. Рабочие деловито рассматривали наши труды, внимательно слушали, спрашивали и не переставали недоумевать.

— Что вы все натуро да фрукты рисуете? Вы бы нам по революцион рисовали, по героям гражданской войны...

А один из них твердо произнес:

— Ленин рисуйте...

Мы молчали. Хоть и много слышали об Ильиче, но, право же, имели весьма поверхностное, приблизительное представление о его внешнем облике.

Рабочие ушли.

А на другой день снова явились и прямо к нашему политкомиссару А. М. Заславскому (были тогда в институте: такие должности). И уже с настойчивой просьбой: сделайте нам портрет Ленина.

Заславский дал им слово, что портрет будет сделан. И тут же, вызвав меня к себе, сказал:

— Оставь все дела, срочно берись за портрет. Но как я мог написать портрет человека, если его ни разу в жизни не видел, а фотографий и художественных портретов Ленина тогда и днем с огнем было не сыскать! Все хорошо известно, как перегружен Владимир Ильич государственным делами, да к тому же не любит позировать фотографам и художникам.

Но Заславский где-то все-таки раздобыл фотографию Ленина во весь рост. Это был кинокадр из хроники. План был средний, и лица Ильича на нем почти не было видно. Что делать? Начались поиски. С трудом удалось разыскать известную фотографию Оульга, где Ильич сидит крупно в фас. Однако снимок был настолько маленьким, темным, сильно заретушированным, что по нему, разумеется, нельзя было судить о цвете волос и глаз В. И. Ленина.

А ведь портрет надо писать в цвете.

И все же я приступил к работе. Хороших красок не было. В институте в качестве неприкосновенного хранился небольшой запас сухих красок. Но не было масла. Пришлось разводить краски на керосине. Работа подвигалась медленно. Я чувствовал неуверенность да к тому же большую ответственность. Согласно изображению на фотографии, я написал Ильича бронетом. Когда рабочие увидели первый вариант портрета, один из них, правда, не очень уверенно, заметил: — Ленин, кажется, светлее...

Я заново переделал портрет. Но опять оказалось не то.

Пришлось сделать третий вариант. Два месяца работ. И несмотря на то: на недостаточное сходство, на неточность изображения и мою неопытность, — портрет рабочим понравился.

Портрет Ленина повесили на своем видном месте в клубе завода. Толпами стояли люди перед ним, изучая облик Ильича. По этому случаю на заводе состоялось торжество. Меня тоже пригласили. После короткого митинга подан чай с сахаром и крошечным кусочком хлеба.

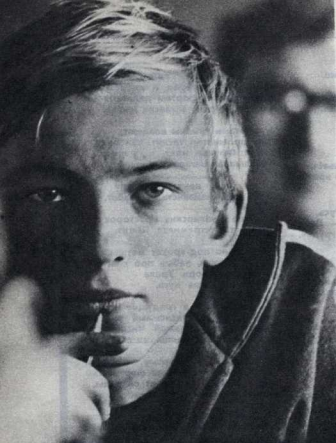
Мои новые друзья посоветовали в том же году

устроить персональную выставку рисунков и набросков на темы Ленина, революции и гражданской войны. За несколько месяцев я набросал серию рисунков Ленина, сделал десятки эскизов, в какой-то мере достиг внешнего сходства, но внутренне характеристичный вождя мне еще не удалось.

Художнику и в наши дни ведомы хлопоты и волнения перед персональной выставкой. Но несколько необычное все обстоит в те времена. Ведь сама тема рождает повышенное чувство ответственности, хотелось, чтобы работы были оформлены как следует, а чтобы стелю и рамы оказались невозможными. Что делать? Я решил воспользоваться услугами художника, который снимал комнату, вынул из рамы стекла. Так мне и удалось оформить выставку, на которой было 40 рисунков. И хотя дома мерз по началу в открытой всем ветрам комнате, все же я был в те дни по-настоящему счастлив. Рабочий зритель много выстура одобрил, а в решении жюри, которое до своего дня хранило у меня, говорилось: «Художественное общество К. К. Костанди в заседании своем 13-го ноября 1922 года, заслушав отзывы избранного им жюри, постановило выдать Вам премию в размере 7 миллионов рублей. Предоставляет Семь миллионов! Но, увы, их хватило лишь на буханку хлеба, гимнастерку и старенькие рамы для омонтованной реставра...

Я не знаю, сохранился ли мой первый портрет Ильича. Вряд ли. Была ведь война. Фашисты разрушили город, разграбили его до чиста.

Нельзя портрету Ильича создано милое за долую жизнь в искусстве. Есть среди них и удачные и менее удачные. Но тот, первый, пожалуй, мне дороже всех. Ценность его, разумеется, отнюдь не в художественных достоинствах. О них и говорить не следует. Дело в другом. В тот голодный и мучительный год в нас всегда, на все времена, был какой-то особый свет, какое-то особое место в жизни каждого советского человека он занимал. И нет сомнения, что именно это понимание связало все мое творческое судьбу с именем великого Ильича.

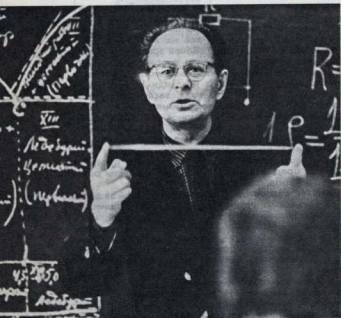


*Евгений Маргеланов станет монтажником-турбинистом.*

**Игорь МАГАЙ,**  
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

**РЕПОРТАЖ  
ИЗ МОСКОВСКОГО  
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-  
ТЕХНИЧЕСКОГО  
УЧИЛИЩА**

*Электротехника — это формулы и схемы, которые дословно объясняет олимпийский преподаватель Иван Осипович Осипов.*



# НА УЛИЦЕ



# ПРОЕКТИРУЕМ



**Р**аньше здесь были пустыри и свалка. Между красивой ТЭЦ и лесом пробегала проселочная дорога. Потом пришла строительная дорога, окрестности улицей

Проектируемой, свалку запретили и на ее месте возвели ансамбль элитных домов — длинные разноцветные коробки, сверкающие высокими окнами, с балконами и террасами на легких колоннах. Двор обнеси белой оградой, парадный въезд замостили шестигранными плитками. Выдвижными встали на них тонкие свечи учебных фонарей.

При первом взгляде я решил, что передо мной новый институт. Однако у входа висела братовата и несколько изощренная вывеска: «СПТУ-128». Мое знакомство с профтехучилищем началось с удивления.

Еще задолго до новоселья я уже резко увеличился объем корреспонденции в местном почтовом отделении: «Комсомолец» объявила о приеме в новое училище. Юра Канаткин рассказывал, как его мама, работавшая на почте, приговаривала домой и всхлипывая комментировала этот факт. Умысел был простой: Юра оказался на том жигейском перекрестке, где надо решить, куда податься. Монтажник тепловых и атомных электростанций — профессия современная и может взломать любое воображение. Все к одному. В школу, где учился Канаткин, пришла студентка ПТУ, привнесла пазлущие типографские новенькие проспекты и брошюры, рассказала что к чему. И Юра стал членом коллектива в 400 человек. А поступало две с половиной тысячи. Конкурс в практике профтехучилищ, где недоборы, как хронический насморк, случий необычайный. Так что в нашес ПТУ собрался отборный пятидесятитысячный набор.

Первое путешествие по училищу я начал с учебно-теоретического корпуса. Мерно гудят кондиционеры. Все затоплено светом: просторные аудитории; «читалка», выступающая во двор и как будто повисшая в сияющем воздухе; золотистый актовый зал, он же широкоэкранный кинотеатр; цветной телеэкран «Рубин» в фойе, измсаненные журнальные столики, несущие свой поздравительный баяс на трех ножках в сопровождении изогнутых поролоновых кресел; стены, обремененные семейными стенгазетами, декоративные сосуды и белые макеты новизненных городов... По анимациону трет мокрой тряпкой дасурной Саши Космычкин с «коллагамы» восстанавливает после шести уроков утренняя чистоту. Но учеба замерла на совсем. С улицы бьетнет Леша Колузаев. В грязных башмаках по асфальтому полу! Саша ворчит и мокрой своей тряпкой вытирает Лешину «мокасыню». Колузаев оказался в числе нескольких ребят, пришедших на дополнительное занятие по физике. Учеба плотная, насыщенная, материал дадут большими объемами. Подсчитано, что на каждого ученика тут приходится примерно двадцать учебников.

За окнами училища — тредирин ТЭЦ. Но путь к ней — через десятки учебников.

Вуз? Техникум? Школа? Нет, профтехучилище нового типа.

Учеба усложнилась прежде всего за счет того, что ПТУ выпускает рабочих со средним образованием. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «о мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных рабочих в учебных заведениях системы профессионально-технического образования», знаменая коренное преобразование профтехучилищ, подчеркивает, что перевод их на среднее образование — необходимое условие подготовки современных рабочих кадров. СТПУ-128 — практический ответ энергетиков на постановление и считается новейшей моделью профессионально-технических училищ.

Гигантский скачок в профтехобразовании в полной мере оценили прежде всего сами ребята. Возможность получить вместе с квалификацией аттестат зрелости была одной из главных причин немаловажного раньше конкурса. А за конкурсом последовала отсес: человек двадцать не выдержал нагрузок, «космических» и для «нормальной» средней школы и для «нормального» ПТУ. Да и остальные поначалу с трудом справляются с ними. Первое впечатление — очень много тут занимаешься, упорно прыгнут науки — в аудиторных, анатомических, математических, биологических и прочих предметных кружках, в общежитии.

Училище стоит на трех китах: к общеобразовательным дисциплинам и спецпредметам вроде технической эстетики или технологии металлов прибавим практику дважды в неделю. Она началась с экскурсии на среднюю ТЭЦ, которая поразила всех своими турбинами, в совокупности равными Днепротресту, полной автоматикой и почти стерильной чистотой. Вознес ребят таким образом в балетское будущее, их затем опустили в слесарные мастерские. Начали с самых азав монтажного дела. Кропотливый путь от простого к сложному. Для этого в училище великая база.

В производственном цехе восемь мастерских: по каркасам котла, по турбинам, по монтажу КИП, по малой мехобработке и т. д. Все оснащено сложным оборудованием: хитрые стелды над трубками конденсаторов, универсальные токарные станки, мощные трубогибы и гильотиновые ножницы, новые осциллографы и турбина в тысячу киловатт, которую будут разбирать и собирать, используя как учебное пособие. Около цеха — площадка с козловым дежитговым краном, оборудованная всем, что нужно для заготовки, сварки и монтажа металлоконструкций. Чуть в стороне длинный стеклянный прямоугольник, похожий на гигантский графитный кусок ама, с многочисленными рабочими отсеками и лабораториями. Это автоматизированный сварочный цех. Прибавим к этому кубическое здание кузничи, и мы получим представление о вполне современном маломском заводе, отдаленном во владение ученикам. На все училище базовое предприятие «Центроэнергомонтаж» выложило колоссальную сумму в 2,3 миллиона рублей. Помогает оборудованием, приборами, специалистами. Только готовите сильные кадры!

С января «завод» начал набирать обороты. Работают не только слесарные мастерские. Уже поступают большие заказы на рамы, опоры и прочее котельное оборудование для строящихся электростанций. Доходы от мастерских — в фонд училища и на заработок ребятам.

На будущий год ученики снова пойдут на теплоэлектростанцию. Но уже не на экскурсию — на работу.





После обеда москвичи (а их примерно пятая часть) едут домой. Остальным легче: общежитие под Бокором. Время тут на вес золота.

С 16 до 18 часов общежитие готовится к заграничным урокам. Ударники, досрочно разгадавшие с домашним заданием, показывают свою «продвинуто» дежурному. Для них начинается досуг — только не мешай другим. Еще лучше, если сможешь товарищам, как это делают братья Осокины. Женя и Юра — близнецы, и оба дежурят. Женя уже изучил и высшую математику. Юра — призёр областных математических олимпиад. «Скупого рыцаря» — преподаватель физики, у которого и тройка в радость, питерки ставят так редко, что каждая из них становится местной легендой. Чаще всего авторами медалей становятся Осокины. К тому же Женя может «влезать» в статьи школьное сочинение. Написал «Балладу о ПТУ». Такой и задачу помог решить, и «потреться» с ним интересно.

Общежитие — продолжение аудитории. И еще общежитие — родной дом с такими возможностями общения, которых нигде не бывает.

— Саша Шеминко, как все индивидуумы его возраста, любит фантастику. Но «...не переваривает стихов». Таня Александрова — комсорг группы КИИ, один из столпов агитбригады, позволю любить, читает на вечерах Маяковского. Однажды они срастались в яростном споре при стечении публики.

— Ладно, — наконец сказала Таня. — Вот тебе «Антология современной поэзии, поэматей. Вряд ли предметно спорить на твоём уровне».

Саша сборник прочел и увлекся. Через месяц на праздничном вечере Сашу увидели на сцене: декламатора «Византизм в традиций век Роберта Рождественского. Репетировал вместе с Таней».

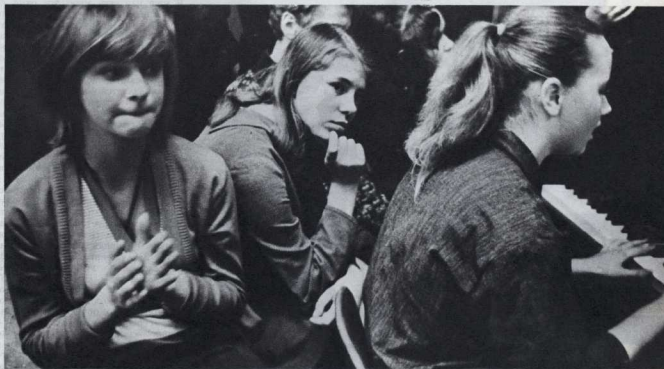
Приятно побывать на этакже у девочек. Сяду в халле. Цветы. Над столовой эстафеты. У радиокомбайна в улуу Таня Верещакина расует спиджету. Ее оформление и содержание — один из показателей в соревновании групп, которым охвачено ПТУ. Победитель поедет в Ульяновск.

Говорившая и остроумная Рая Белемова удалилась с воспитателем Еленой Юрьевной Гусевой. В какой рау переписывает заявление о прие-

*Пульс управления ТЭЦ. Первая экскурсия.*

*Труд — главный предмет. В мастерской училища началась производственная практика Николая Павлюка.*

*Романс Чайковского.*



Будут проводить, как положено по программе, малый, средний и, наконец, капитальный ремонт оборудования. Это уже последнее.

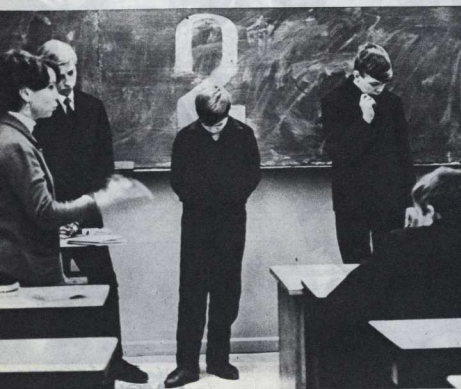
Время в мастерских пролетает птицей. В столовой дежурные уже накрыли столы. Столовая похожа на аквариум: вся прозрачная, только между кухней и залом перегородка в сочно расписанной керамике.



Важное испытание — зачет в профтехучилище.



Михаил Кушкин приехал из Кустайской области и доволен учебю. Трудный разговор.



ме в комсомол: «чтоб и нестандартным оно было и сразу выражало главную причину, почему я вступаю в ряды ВЛКСМ». В часовой беседе проверено знание Устава, совершена экскурсия в историю комсомола, обнажены мысли. К собранию готовились с тем нетерпением, на которое способны только подростки, вступающие на новый и очень важный рубеж.

И вот долгожданное собрание. Триста комсомольцев внимательно слушают заявления, задают вопросы, дружно голосуют. Отныне ты член ВЛКСМ. Спортзал в ПТУ — один из самых больших в Москве. На очереди — стадион. Запланированы плавательный бассейн, Спортивное дело раскручивается со стремительностью сжатой пружины.

В актовом зале стелживается агитбригада. На сцене у пиванно стайка девчат: спрашивают синеглазую Наташу Шкальбу сыграть что-нибудь.

А Дима Ангелов уже гостит: — Никити! Шкальба! Исполняет лауреат осеннего бала Наташенка Шкальба. Художественный свист — Да, Ангелов.

...Наташа разошлась: играет подражаясь и романсы, поет. В двери заглядывают любознательные. Простодет. Рассаживаются. Молчат. Саушат.

Я уже наизусть знаю эти окна. С потухшими огнями уходит в сумерки элегантные корпуса ПТУ. Светятся только фонари во дворе, комнаты общежития и эти несколько окон в темной громаде учебного корпуса: учительская, директорский кабинет, комсомольский штаб. Отсюда inevitably направляется весь этот уклад сложной совместной жизни сотен ребят. Особенности огромной коммуны, в которой сплавлены средняя школа, техническое училище, завод и общежитие, предъявляют особый счет педагогам, требуют высокой образованности, большого опыта и человеческой увлеченности — качеств, которыми в полной мере обладает педагогический экипаж ПТУ и директор Яков Тимофеевич Иоффе. Двадцать лет назад он начинал в профтехобразовании мастером производственного обучения. Закончил машиностроительный институт. Заслуженный учитель профтехобразования РСФСР. Техническое творчество — «слабость» в ПТУ. Годы три назад с ребятами из 38-го профтехучилища создал машину программированного обучения. Получил за это серебряную медаль ВДНХ, а машина экспонировалась на выставке в Монреале. Неудивительно, что и в новом училище кружки технического творчества вырастают, как грибы. Названия их подчас неожиданные, например, кружок эргономики. Здесь





Команду боксеров тренирует финалист первенства страны Борис Коллежко.

ребята совершенствуют свой рабочий инструмент: и напильник сошпатель со сверхдurableй ручкой и дрель переделают, чтоб вырвалась в твердь легко и без шума. А все это составная часть более общей, стратегической задачи — кружка — научно организовать рабочее место.

Кружки призваны служить главному смыслу учебы — приобщить каждого к творчеству.

Трехлетний курс, посвященный в рабочем классе золотой субботников. Строители не уложились в срок, и первые ученики работали вместе с ними, испытав весь диапазон опущенной хозмет, переселившихся в номера, к тому же недостроенный дом. Субботники сдружили ребят. В прошлом октябре, когда училище приобрело respectable вид, провели осенней бал. Пустынные залы украсили золотыми и багряными дьястами. Их слабый запах до сих пор чудится в белых классах и длинных коридорах. С этого первого праздника — начало свое летоисчисление училище на улице Проектируемой.

В новом училище эстетика сопровождает ребят повсюду.



Что такое романтика? Склонность к приключениям, любовь к природе, новизна, необычность, трудность? Или это естественное стремление юности, открывающей мир и самого себя? Где ее искать? Почему одни профессии кажутся более пригодными для романтиков, чем другие? Как сделать выбор? Наверное, лучше всего обо всем этом может сказать представитель одной из таких «романтических» профессий — рассказать, поговорить, поделиться, показать, как пройти этот путь от зарождеия мечты до ее осуществления.

Наш корреспондент встретился с Владимиром Скропшиным, начальником геологической партии, Добывательной аэляксты на Терском берегу Кольского полуострова. Скропшину 31 год. Он не женат и ничем не выделяется среди своих товарищей-геологов. Но, вероятно, если бы сообразно во взглядах своим расчетам попытались создать обобщенный «тип геолога», он вышел бы похожим на Скропшинева. За его плечами многие десятки тысяч километров маршрута, открытия и исследования месторождений, освоение, освоение, освоение... Любимая работа давала ему и омыт. Человек, для которого его работа давно стала не «романтической профессией», а главным делом жизни.

#### — КАЖДЫЙ ЛИ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ СТАТЬ ГЕОЛОГОМ? ЧТО ЗДЕСЬ ГЛАВНОЕ?

— Мне кажется, каждый человек может стать геологом, если он этого захочет. По-настоящему захочет. Ведь геолог, он томо человек, а не ступица. Человек со своим слабостями и не всегда с очень хорошим здоровьем. Но тут есть одна очень серьезная грань. Он должен захотеть быть геологом, а не как геолога. Это разные вещи.

#### — ПОЯСНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

— Два года назад мы работали здесь же, на Терском берегу. К нам пришла группа туристов. Из этой группы две девушки и один парень остались у нас работать, так это их интересовало. И понараивало, особенно парню. Виктор был студентом-металлургом. А когда вернулся в Москву, то под свавим впечатлением взял и перешел на геологический факультет. Ну что ж, это можно только приветствовать: мы, геологи, любим одержимых.

Не следующий год Виктор снова пришел к нам в партию. И я ему получил моторную лодку. Если хочешь быть геологом, умей делать все, а лодка здесь — единственный наш транспорт в маршрутах. Чем же все кончилось? Сбежал наш Виктор! Понимаясь с мотором мещеда полтора, пару разово его как следует кинуло на море, и просто он стал бояться воды. Изобразил наш Виктор болезнь — теперь я это только знаю, что изображал, — уехал в Москву. Вот и все. Бродя бы улевался, факультет сменил, и не мальчик — года двадцать четыре ему было, а не потянул. И не потому, что ему минералы наши представлялись — они ему по-прежнему нравились, да только работа сама, образ жизни, особенности профессии не устроили.

#### — ИНАЧЕ ГОВОРЯ, ОН НЕ БЫЛ ПРАКТИЧЕСКИ ПОДГОТОВЛЕН!

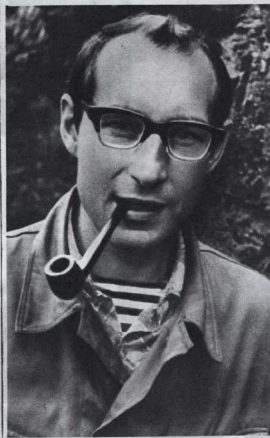
— Нет, Виктор был туристом с огромным стажем. Это был человек, проверивший себя в тяжелых условиях — носил рюкзак, спал в палатке, перекладывал груз, разводит костер, монтирует под дождем... Все это он мог для удовольствия. А работать в таких условиях, как мы, — не вышло.

— ЧТО ЖЕ, ТЯГА МОЛОДЕЖКИ К ТАКИМ «ТРУДНЫМ» ПРОФЕССИЯМ, КАК ПРОФЕССИЯ ГЕОЛОГА, МОРЯКА, ЛЕТИЧКА, — «ОШИБКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ»?

— Нет, этого я не хотел сказать. Вопрос серьезный. Почему возникает тяга? Да потому, что вместо знания самой профессии имеется представление о сопровождающих ее атрибутах, о тех качествах, которыми должен обладать ее идеальный представитель: смелости,

## Твоя профессия

# ДОРОГА ПОПРУДО ВЫБРАТЬ...



С геологом Владимиром Александровичем СКОРОПШИНЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Андрей Никутин

нестойчивости, целеустремленности, быстрой реакции, физической силе и ловкости. К этому стремится юность. Человек входит в жизнь, о которой он еще слишком мало знает. Он полон и этой мечтой, как завоеватель. Он хочет проверить себя, свои силы, узнать, не что он способен. В юности у всех мозга наберется от романтики — у восьмидесяти процентов мальчишек. Героину они видят в преодолении чисто физических трудностей, как самовласть. Странно хочется быть героем в пятнадцать — семнадцать лет! В этом возрасте я уже хорошо знал, что такое работа геолога, а историю героину видел в море, которого не знал и представлял только по книгам.

#### — А СЕЙЧАС В ЧЕМ ВЫ ВИДИТЕ ГЕРОИНО!

— В том, что в акватории, в срок заполночи и выслало эмиссионных и трезвещных отбыт. Кроме этого, есть еще множество обычных дел, которые каждый из нас выполняет в полную меру своих возможностей — и в силу необходимости, — хотя они ничего общего не имеют с героической фигурой традиционного, что ли, геолога, кроме того, что он так заводит жизнь и успех нашей работы. Каждый геолог должен быть очень разносторонним и очень практичным человеком. Надо отходить гвоздь — он должен уметь отковать гвоздь. Нет запального колеса — он делает это колесо из дерева, из досок, и машина поедет. Он должен уметь чинить моторы, рубить стволы, избушки, разбивать лагерь, варить обед для годовых товарищей. И он еще это делает, хотя это и занимает восемьдесят процентов его времени, и только двадцать процентов остается на собственно научную работу.

#### — И, КРОМЕ ЭТОГО, НИКАКОЕ ГЕРОИНО!

— Абсолютно никакой. Обыкновенная работа.

Скропшин сказал это, не задумавшись, без рисовки. Впрочем, еще им сразу мне не удалось встретить человека, который признался, что совершил или совершает героический поступок. Что порой было трудно — с этим соглашались; что чувствовал себя человек неважно — тоже признавались. Но наиважнее мне рассказали, как добывались суда в этом году экспедиции.

Весна пришла слишком поздно. В мае еще лежал в тайге снег, разлились речки, на берегу грохотались ледяные торосы. Машина с рабочими, снаряжением, с упавшими сверту лодкой вышла из Кировска. До Умбы по лесной дороге, еще спяковой льдом и снегом, добывались относительно спокойно. Но последние шестьдесят километров по берегу машина шла больше недели. Колеса сползли и буксовали. Реализ цела. Переселившиеся летом ручейки превратились в горные потоки. У Оленкиных вода в реке поднялась на три с половиной метра: смыла с автомашины аккумуляторы, проводку, весь груз, оставив только лодку. На трасах машину перетаскивали под ледяной водой. Бульдозером и лопатами мстился путь от Кашнеринска до мыса Корыбля. А когда добывались до лагеря, избушка пришлось откатывать из-под снега.

Скропшин пришел позднее, в Кузюмень. Двадцать два километра до лагеря он прошел с машиной за несколько суток. Именно прошел, потому что дорогу приходилось вырубать в торосах топорами, расчищая машине путь и протаскивая ее почти на руках по опасным местам. А в это время на месторождении уже шла обычная работа: бурили и равали скважины, работали в ледяной воде, добывали цинцы с пыловыми вестивитами, оцистурывали месторождения. И никто из участников этого рейда не считал себя героем. Просто путь был тяжелым.

— ЕСЛИ РОМАНТИКА СВЯЗАННА НЕ С ПРОФЕССИЕЙ, А С ОТНОШЕНИЕМ К СВОЕЙ РАБОТЕ, МОЖНО ЛИ СКАЗАТЬ, ЧТО ГЕОЛОГ ДОЛЖЕН ОБЛАДАТЬ КАКИМИ-ТО ОСОБЕННЫМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ КАЧЕСТВАМИ, ВЫДЕЛЯЮЩИМИ ЕГО ИЗ ЛЮДЕЙ ДРУГИХ ПРОФЕССИЙ?

— Выделяющими — едва ли. В какой-то степени отличными. Но это уже связано с ус-









# НАЧАЛО

И Сворцов такого не упоминет, в поводы как будто были: налеты банд, обстрелы нарядов, поимка шпионов и диверсантов, увод пограничника за кордон и прочая ЧП.

Прибежали захваченные, заспанные Белянкин и Брегадзе. Не пригляшая садиться, Сворцов проинформировал их о разговоре с начальником отряда. Брегадзе заочкал языком:

- Вай, вай, большое несчастие! Война будет!
- Не может быть, чтоб война... — побледев, сказал Белянкин.
- Может, — сказал Сворцов.

— А не провокация это — с перебежником? Мы же изучали заявление ТАСС...

- Изучали, изучали! Но я слышал начальника отряда вот как тебя.
- Он приказал поднять с постели командиров отделений, сержантов и рассказал им о возможном нападении. В заключение спросил:

- Вопросы есть?
- Младшие командиры молчали, Лобода отрицательно покачал головой.
- Все понятно?

И опять младшие командиры промолчали, а Лобода кивнул. Юные, знакомые лица заострились, становились отрешенными и еще более темными, словно пороховой дым стражника уже коснулся их. И Сворцов почувствовал, что и на его лице отраженио — от этих кошмарных черт — легли пороховой омок и тень близких смертей. И ничто текучее, зловещее, необратимое начало стремительно расти в нем или вне и уже заполонило его, стоячих перед ним ребят, канцелярию, казарму, территорию заставы, весь участок отряда, всю государственную границу от моря до моря.

Сержанты во главе с Брегадзе ушли, чтобы перенести со склада боеприпасов в блокгаузы цинковые коробки с патронами, деревянные ящики с гранатами, установить в блокгаузах и окопах станковые и ручные пулеметы. Белянкин отряхнулся промочить sweat, заложивший неподалеку от заставы. Сворцов остался один.

Зазуммерил телефон. Разрываемый расстоянием и помехами, послышался голос старшего наряда: достигли заставы, встретились с нарядом соседней заставы. Сворцов спросил:

- Как ведут себя немцы?
- Спокойно ведут, — ответил старший наряд.
- Продолжайте нести службу.
- Есть, товарищ лейтенант!

В два часа ночи позвонил командит:

— От начальника отряда поступило распоряжение привести весь личный состав командитеры в боевую готовность... Фиксируешь, Сворцов? — Весь личный состав... Поэтому немедля подымай заставу в ружье. Снимай с границы наряды, званый оборонительные сооружения, готовься к бою... Остальные линейные заставы уже выполняют это распоряжение...

- Будет выполнено, товарищ майор... Разрешите задать вопрос?
- Да, — быстро ответил командит.
- Как поступить с детьми и женщинами?
- С детьми и женщинами? — озабоченно переспросил командит. — Если бы я знал, милочка... У меня на командитуре их полна корубашка... Ну, прощай, лейтенант!

— Прощайте, товарищ майор, — сказал Сворцов, положил трубку и крикнул: — Дежурный, ко мне!

Минутой позже дежурный ворвался в спальное помещение и гаркнул: «Застава, а ружья!» — и бойцы вскакивали с коек, натягивали шаровары, гимнастерки, сапоги, хватали подсумки и винтовки из пирамиды, вымывали во двор. Сворцов стоял на крыльце и, приоткрыв жалюзи, поглядывал на часы.

Когда старшина доложил о построении заставы, Сворцов спустился с крыльца, встал перед бойцами.

— Товарищи! — Помолчал, продолжил негромко: — Дорогие товарищи! Вот и пробил час испытаний... Я еще имею возможность к вам обратиться, потом будет недосуг. Перед тем как вы займете места согласно боевому расписанию, позвольте пожелать вам... чего пожелать?.. Вот чего: пусть враги будут мертвыми, мы — живыми...

Кто кашлянул, кто звякнул оружием, кто переступил с ноги на ногу. Сворцов почувствовал: с сумрачности, в лунной голубоватости на всех лицах различим грозный отсвет сражения, что лег давлен на лица сержантов — сражений, которые еще предстоит.

Туман слонялся в низине, подкатывая к бугру, к заставским постройкам. За окопками, в лесу, как в трубу, ухал филин. Низко пролетела идуная птица — лист или целая... опустилась на болотце, канула в туман. Заржала обонная лошадь.

Мимо Сворцова поспешно проходили пограничники, скрывались в клубы тумана, прыгивали в ходы сообщения, растеклись к окопам и блокгаузам. Завязные, невнятные говор, топот. Сворцов сказал:

- Шевелись, хлопцы. Больше жизни!
- Подбежал Брегадзе, вскинул пистолет к козырьку. Четко:

- Товарищ лейтенант! Телефонная связь с левым флангом прервана. Полуголо: наряды везать на заставу ракетками...

Думая о том, отчего прервалась связь — повреждение либо диверсия? — Сворцов сказал:

- Давай ракеты, товарищ Брегадзе. И поживей!
- Подкумеяля пригравывающий, в заляпанных грязью сапогах политрун, привел с собой сержант. Сворцов сказал:

- Товарищ Белянкин, хлопцы объявлялись вовремя. Захватите их в тыловой блокгауз, к себе.
- А что, застава подита по тревоге?
- Подител, Распоряжением начальника отряда.
- Вот как!

— Да уж так. Все по блокгаузам, по окопам... В помещении останутся телефонист, дежурный, повара — завтра-то варить нужно... Ну, и я покуда останусь...

— Разрешите идти, товарищ лейтенант? — сказал Белянкин и вразвалку, прихрамывая, зашагал прочь. Но Сворцов окликнул его:

- Да, еще... Сходите на квартиру, приведите в блокгауз жену и детей, также моего домашника...
- Это зачем? Считаю преждевременным...
- Отставить разговоры!

Белянкин пожал плечами, покосился на секрет и пошел, сильно ступаясь.

Нелепым, чуть ли не стровым шагом подошел дежурный, должник:

— Товарищ лейтенант! Наряд Макашина, вызванный с правого фланга, по пути на заставу подключился к розетке. Макашина сообщают, в Забуге видна серия ракет и слышен шум танковых моторов.

- Вблизи границы!
- Неосредственно на границе спокойной.
- Годок задела Макашин!
- Минуту назад.

Скворцов поднес часы к глазам: три ноль-ноль. Подставил ладонь к уху: ветром заносило слабый, далекий клекот моторов. Прогревают! А когда танки подойдут к границе!

Шум танковых моторов из-за леса в Буге сделался явственнее, грубее. Он, как и ключевой туман, накатывал из низины на бугор, на заставу. Было темно — луна зашла, звезды мерцали, твари, близился рассвет: загустела колеблющаяся дуга дымащая, чернь — вернейший его признак.

- Дежурный рывком распахнул дверь, задел Скворцова, смутился:
- Извините, товарищ лейтенант.
- Извиню. Что?
- Старший лейтенант Варанов на проводе! Срочно вас требуют!
- Ишь ты, требуют...

Голос Варанова то тихо наполнял трубку, то замкал. Скворцов, однако, понял все: в три пятнадцать часовой у моста обнаружили две группы неизвестных, сирого приближавшихся с сопредельной стороны, и потайной сигнализацией подполз охрана в ружье; когда немцы разведчики — а это были они, — не увидев часовой, бросились к мосту, по ним в упор открылся огонь из пулеметов и автоматов.

— Тридцать! Ого... — сказал Скворцов довольно обидно и поднялся в этот обидности своего голоса. — Молодчина, не провинился. Чего и впредь желаю. Предполагаю, сызнаво ползует! Подбурю подклевле... Сколько человек? Шесть-семь... Да, отправлю немедленно... А ты не притискивай немцев на мост...

«До тридцати фашисты соскочили, ого... по-иному, поражая и радуясь, подумал Скворцов. — А у нас никаких потерь!»

Легкость победы даже озадачивала. Ведь на войне неизбегны обидные жертвы... А почему мы не успели выстрелить! Да потому, что горючат танковые моторы и ветер от заставы. Что дальше предпримут немцы? Но ведь начало войны планировалось на четыре ноль-ноль. Сейчас три сорок.

Доложил команданту о событиях у моста и о своем решении вызвать Варанова подмогу, Скворцов почему-то подумал, что война будет долгая: у немцев огромная сила, но и наша страна встанет насмерть, так что бегать придется, на быстрый исход торопиться нельзя.

Вбежал дежурный, выпалил:

— Товарищ лейтенант! Часовой у заставы засека стрельбу возле железнодорожного моста!

— Что за стрельба? Ее характер?

— Артиллерийский, минометы и пулеметы!

Завалил телефон. Варанов. Взаменивший, заглядывающий окончания слов голос. То зичен, то пропадет. Картина такова: под прицелом артиллерии и минометов и границе на высокой скорости выдвинулся отряд боевых мотоциклов и, стреляя из пулеметов, коду погнался восторжес в мост, но огонь охраны и пограничников прегардил им путь. Мотоциклисты потеряли треть отряда, однако продолжают попытку захватить мост.

— Товарищ Варанов, приказываю: оборонять мост и без приказа не отходить!

— Есть, товарищ начальник!

Изменившимся голосом Скворцов сказал:

— Ты же понимаешь, Николай, что будет, если немцы овладеют мостом...

И у Варанова тон другой:

— Понимаю, Игорь! Буду биться до последнего патрона...

Скворцов решил сообщить команданту о повторной атаке на мост. Но рука не дотронулась до трубки: над колодой грохнуло, как бовал. Словно потолок раскололся. Скворцов не успел сообразить, что это, как влевро, и назад, и шаг-то грохнуло, и все трюкты слиплись в сплошную, сплошную, обидный. С секунду Скворцов смотрел на подпрыгивающие на столе чернильницу и инкут. Огляделся.

В стене злораща трещина, с потолка сыпалась штукатурка. В высказанном огне клубилось пламя и дым, вышло взрывчатка. Сорванца с летящей дально придала валила. Задрожал, грохот. Бьют по заставе. Снарядом. Это и есть начало войны. Сколько не часак! Ночью четыре.

— Вот и все. Война. Дороги назад нету. Нужно воевать. Войой, лейтенант Скворцов!

И, подавая так, он схватил телефонную трубку. Перво-наперво — доложить команданту о нападении на заставу. Но трубка была беззвучна. Он погуд в нее, востроил, пощелкал пальцем — связи не было ни со штабом командантуры, ни с соседними заставами, ни с Варановым. Что ж, понятно: артиллерист — провода перебиты. На указании не рассчитывай. Рассчитывай на себя.

Скворцов думал сырым и кирпичную шлю. Скворцов подбавил к несгоревшему язычку у трубки. Царапался и обмывала ноги о железу, откинул крышку. Вытащил секретные документы. Сунул в оловянную сумку. И — бегом из канцелярии.

Славащие разрывы там и тут, воронки курятся, горят телефонные и телеграфные столбы, деревья, поселения, возы, курны, гимнастические брусья, конюшня, питомник, снаряды разворотили и назеру и командирский флигель, счастье, что люди заблаговременно уведены в укрытия.

Скворцов прыжками перебрал двуряд, нырнул в ход сообщения. Отдалься, вымусулся из-за брусчатки: с бугра обвалился железнодорожный рельс, насыпь, бегущая вправо, была, вспыхнула оружейный залов в Забуге. В ту же дыма идуща на восток летели самолеты, моторы их подвывали — юнкерсы, бомбардировщики.

Скворцова тронула за плечо, прозвонился над ухом:

— Ты оказался прав!

— Что тебе, Виктор! — Скворцов не обернулся, узнав по голосу Белинина. — Кричи громче!

— Я говорю, ты оказался прав: Гитлер пошел на нас войной!

— Эх, дорого бы я дал за то, чтоб не быть правым!

— А дорого бы заплатил, чтобы быть правым!

— Слушай, Виктор, а может, это провокация, а?

Белинин прокричал ему в ухо: — Нет, Игорь, это война! Долой немца! Всамделишная! От которой никуда не уйдти!

— И не будем уходить! Будем насмерть стоять! Покажем, чего мы стоим!

С Белининым они заходили и бойцам в стрелковые ячейки, в блогаузы. Скворцов напоминал: переидут немцы в атаку — подпускать их поближе, огонь вести поточнее, поцеленнее, стрелять и пулеметом и ручными снайперскими орудиями. Немцы притиску, смотрю-выми щелями танков, гранатометной связи гранат — а уязвимые места танков: в моторную часть, под гусеницы. Бойцы напряженно слушали, кивали, стискивали оружие. Они были бледнее обычного, впрочем, как и Белинин да и, наверно, Скворцов. Но ни растерянности, ни паники, ни страха. Блндиже и суровость. Так и должно быть.

Скворцов оставил Белинина в тыльном блиндаже, где перевязывали раненых. Он шел в свой, левоблогаузный, и думал: три блогауза — флавогаузы, Скворцов напоминал: переидут немцы в атаку — подпускать их поближе, огонь вести поточнее, поцеленнее, стрелять и пулеметом и ручными снайперскими орудиями. Немцы притиску, смотрю-выми щелями танков, гранатометной связи гранат — а уязвимые места танков: в моторную часть, под гусеницы. Бойцы напряженно слушали, кивали, стискивали оружие. Они были бледнее обычного, впрочем, как и Белинин да и, наверно, Скворцов. Но ни растерянности, ни паники, ни страха. Блндиже и суровость. Так и должно быть.

Застав горела. Горело село, по которому из-за Буга била артиллерия. Попадале, в тылу, моточные взрывы: немцы бомбят фольварк, где штаб командантуры, и Владимир-Вольнский, где штаб погранотряда и армии. Ее две стрелковые дивизии в летних лагерях за городом: по плану обороны они должны выступить на подмогу пограничникам. Выступят! За все вероятности Гитлер будет жестко наказан. Мы проучим его!

В блогаузе срочным докладом молодецкая отправка.

— Товарищ лейтенант! Гарнизон левоблогаузного блогауза готов к отражению фашистской атаки!

— Волю, волю... — сказал Скворцов. — Ничего в струю вытвигавать, потолок протиснешь. Да и другие явные заботы.

Скворцов потеснил команданту у центральной амбразуры, вгляделся. Из щели — чем дальше, тем шире обзор — выдосился: у насыпи и на луговом склоне, вырывая и выжимая траву, падали снаряды, в подлеске Забуга сверкали оружейные залпы. Немцы танков и пехоты лопе не видать. Блогаузы трясло от разрывов, за широкот сыпалась комьями суглинка. В котловат дыма засасывало в амбразуры, слезались глаза. Пограничники кашляли.

Сколько длится артподготовка? С полчаса. Сколько еще продлится? Как только немцы перенесут огни в глубь нашей территории, стереги атаку.

\*\*\*

— Фашисты, товарищ лейтенант! — прокричал Блода. — Фашисты прут!

Голос его прозвучал в блогаузе неестественно громко: снаряды и мины не взрывались, слышна лишь отдаленная пулеметная пальба. Скворцов принял к амбразуре. Так и есть. В кустарнике и на лугу перед железнодорожной насыпью — серо-зеленые цели. Ломат по кустам, сбегает с насыпи. Прут прямо на заставу.

— По мостам! — командовала Скворцов. — Подпустит поближе и стрелять по моей команде!

И его голос с неправдоподобной громкостью заколотился в блогаузе, нетянулся на стены и отскакивал от них и словно подталкивал к выходу из щели лососин, бегущих в сапогах. Скворцов повторил:

— Стрелять по моей команде!

— Рукотяти гашетки «максимум» стиснул так, что суставы пальцев немаленьким астал к пулемету; командир стискивал обижено сопел над ухом.

А немцы отсюда, с бугра сверху вниз, рванули, рванули оцено, устроили огневой отход: подпустили поближе и ударили. Блогаузы слеза и спора. Выдержали бы нерваху и Брегадзе, не открыл бы огонь раньше срока.

Скворцов решил: отроку огню, когда немецкие цели достигнут рубежа — три пенки в линию, метрах в сто. Но Брегадзе упрядили-таки, не хватало выдержки, сказали в грустном температурном: из амбразуры правоблогаузного блогауза из щели откосов вырвались вспыхнувшие выстрелы, передняя цепь остановилась, кто упал, кто стоял стрелял из автоматов, задние нагряли, толкнули, замшательство. И Скворцов командовал:

— По захватчикам — огонь!

И вынул пулеметную ленту, поведя пулеметным рычагом справа налево, выкинул ее. Пулемет выпалил по очереди за очередью, заставлял Скворцова стиснуть вместе с собой и прислушиваться к бешеной своей скорострельности.

Первая цепь — валился замертво, залегли за пенками, отомкнули назад. Вторая цепь — бежали и шли ускоренным шагом — и трясина, и трава. Скворцов вынул из кобуры пистолет, поворачивая пулеметную пальбу. Илн это только изаказ? Да нет же, среди стрельбы голос станкового пулемета выдвигался, точно.

Немцы будто непрозвонимо прожались еще сколько-то и повернули вспять. Скворцов проводил их верхней очередью до кустарника.

В блогаузе и трамшее стреляла, Скворцов крикнул:

— Товарищ, прекратите огонь! Экономит боеприпасы! Он выбрался в траншею, поволнил приказание. Подумал: «Экономит боеприпасы нужно потому, что война скоро не кончится, так мне кажется. А может, это все-таки не война! Тогда кто же? Крупная провокация!» Снова клубы дыма пробило солнце, освещало горушую заставу и изрядно поросшими листьями на кустах. Бугорки — триглы немцев. «Да не жаль, Игорь Сиворцов, никак это не провокация, это настоящая война, так что не волнуйся, ты правильно сделал, что дал немцам отпор. И вообще успокойся».

Вспунывшись из траншеи, Сиворцов смотрел куда, куда отошли фашисты. В автоматы, автомашины и пушки. На понтонах технику переправляли? Или по мосту? Там еще стрельба, видимо, мост в наших руках. Стреляют и у правого/левого бжеголазу и у тыльного. Значит, немцы окружают заставу. Что ж, будем драться и в окружении.

— Бомбат Владимир-Вольский! — кричал Макшин. Ефрейтор Макшин, Великий, как всегда, на щеке — ссадина. За бинюль спасибо, пригодится.

В перерывах действий Сиворцов увидел в кустах немцы роют окопы, разворачивают пушки, устанавливают минометы. На железнодорожном пути в направлении, через нее пойдут дым от дыма, дымы, переходящие с туманом — затнуги и речной берег. За Бугом, не смолкая, гудят танки. А в небо гудят самолеты: зveno за звеном, скандируя за эскадрилей в восток проходит «конверсы» в нашем тылу — далекие взрывы.

— Похоже, — сказал Сиворцов и опустил бинюль. Что будут делать фашисты, получив по морде? Пока оказываются, а дальше как там с соседними заставами, с командирской, с отрядной? Никогда сюда, отвратны. Смерть прощурив глаза, увидел в тумане за бжеголазу — триглы немцев. Сиворцов густо падал облизан траншею и бжеголазу. Грохот, удары воздушных шлангов, садет осколков, шмякая земных глыб, задал взрывчатку. Убедившись, что немцы ведут артобстрел и другие бжеголазы, Сиворцов прыгнул: траншея не такая уж глубокая, голову надо побережить. В бжеголазу не пошел, отсюда наблюдать за полем боя лучше.

Ячейку то мелко трясло, то грубо толкало. С бруствера, со стенка осмыслась земля. Пыль скрипела на зубах, от дыма щипало глаза и перебило в горле. Сиворцов отхлынул назад, отхлынул, но перидило еще больше. Великий, поспитывая Макшина, Сиворцов стал радом с ним, в ячейке, замахал в стему, чтобы не стеснить начальника заставы. Сиворцов похлопал его по плечу, прокричал на ухо:

— Пойду по окопам, проведаю ребят! Макшин: сдвигая дежиком, чтобы идти за ним, Сиворцов отрицательно покачал головой.

— Оставайся здесь! Прогнувшись, он шел по окрестности траншеи, заглядывая в стрельковые ячейки и на пулеметные площадки, хлопая пограничников по плечам и спидам, кричал им, что все мол, в порядке, застава будет держаться до конца. В бжеголазу не пошел, отсюда наблюдать за полем боя лучше. Патроны ара не жаль, и шагал далее. Минувал тыльный бжеголазу, заводит не дал. Все-таки до правого/левого, накоротке заглянул — и назад, к стему. Добрая там его командный пункт, а что прощился по обзору — хорошо, показался бойцы в разных местах, пусть видят начальнику. И еще главил на позиции: бжеголазу цепь, траншея и ячейки кое-где обрушены, завалены, при случае могут расцвести.

Артобстрел продолжался. В первый раз немцы стреляли из два реки — по площадям, сейчас же, переправив пушки на понтонах и подтянув их к заставе, били прицельно — по полустрошей развороченной казарме, складам, конюшне, командирскому домику. Насувают бжеголазу — ударят по ним прямой наводкой. Ну, это еще посмотрим. Пока пушки выкатывают на прямую наводку, наши снайперы могут прострелять расчет.

Приблизился и ячейке Макшина, Сиворцов почувал неладное, бруствер у нее был сметен, бок — словно вырван разрывом. Сиворцов прибавил шаг, вышел из-за угла траншеи и остолбенел. Ячейка была разрушена снарядами, завалена землей, Макшин тоже был завален, торчали голые ноги.

Сиворцов подбежал к нему, руками начал разгребать землю и оставновился: вылезшие из орбит глаза Макшина глядели на него, не видя, мученическая гримаса исколбала лицо, на шею — равная рана, там, где сонная артерия. Сиворцов ступил с собой фуражку, Макшин порывался соскочить его, от не разрешал. А если б как остался в этой ячейке, тоже бы не уцелел. Прощай, Алевт Макшин.

Разрывы сотресли землю и воздух, долбили по ушам, по теменю. Остатки и болят они, как-то странно болят — словно кусками их рвут, по частоте отравают от живой плоти. Словно огня и дыма выдмались над позициями. От бжеголазу пламя, от подымавшегося воздуха било жарко, удушливо, горло пересохло, хотелось пить.

Вспунывшись, Сиворцов поднес бинюль к глазам: все то же, пьлугу дыма, а когда ветер сносит их, видно, как в кустарнике суетятся немцы. Будто впервые до сознания дошло: немцы нашей территории! Держать же это им обиднее! Еще покажет об этом!

Сиворцов отполз винтовку Макшина, сдуг с нее пыль, азал не ремь — оружие бросать нельзя, пригодится. Близо залп снаряд. Варьяной волной Сиворцова отшвырнуло и стенке, и комки забарабили по спине. Он перидернул потоптаться и пошел в бжеголазу. Остолбенел, азал в траншею, потоптаться и, будто о нем вспомнил, поспитывая вышел. Не пригнбился, азал о Макшине, добрал до стька хода сообщения с траншей, прыгнул. Снова поглядел в бинюль. То же, то же.

В ячейке увидал бойца, возмозгшего с винтовкой. Прокричал ему:

— Вот!

— Осколком затвор заклинил! Неправность, товарищ лейтенант!

Бьюсь, бьюсь...

— На! Командирский!

— Собирай боеприпасы!

— Да! Берите же!

— Будет беречь, товарищ лейтенант!

Оттого, что прихотилось кричать, голова совсем высохла. Чтобы сплотить, нужно преодолеть слазую. Будто тисками сдвимо голбо.

Сиворцов постоя, отдышался, и тут артобстрел кончился. В ушах звенело, словно этот зvon было слышно: стучат немецкие пулеметы. В окрестках бинюля — ветки бжеголашки, рогаые кошки. Ветки качаются, мелькают, немцы не жалеют патронов и атакуют!

Волнуя поглубже, Сиворцов затрусил к бжеголазу, к «максимуму». Не опоздать бы, когда немцы приблизятся на дистанцию действительного огня. Но он опоздал: из амбразуры ударил «максим», и вслед за тем немцами стреляли ручные пулеметы, винтовки, автоматы. Из бжеголазу, из траншеи.

В бжеголазу никто не заметил появления Сиворцова: пригнули к амбразурам, вадут прицельный огонь. И стеновый пулемет стреляет, как ему положено — расчетливо, короткими, экономными очередями. Да, наводчик управляет, но уже начальная заставка. И ты не подменная подменная, а командуй, коль ты начальник. А что командовать, если сейчас самое главное — метко стрелять.

Из-за плеча бойца Сиворцов наблюдал в амбразуру: передняя цепь задала шаг, задняя бжегола, нагнута, вскоре обе цепи смыслились и пошли вперед кучно, спотыкаясь, паля на автоматах. То там, то здесь кто-то из немцев падал, но остальные смыслились, или это только казалось так, потому что немцев было много. Ружейно-пулеметная стрельба и у других бжеголазов. А у места она слабее. Зато танковый гул нарастал, покатывал прочее звуков. Не дай бог, если Варанов пропустит танки...

Потесня бойца, Сиворцов приладил автомат у амбразуры, выпустил очередь. Боец перестал чертыхаться, но, повернувшись, смущенно отодвинулся. Узнал начальная заставка. А Сиворцов его не узнал: лишь сплошь в сосиски, в бжеголазу, в фуражку, адувную на глаза, зубы ославил.

Немцы то отступали, то снова шли в атаку. Стрельба была почти беспрерывна, накалились стволы, в кожухе «максим» закипела вода. Сиворцов поддал команду:

— Беречь боеприпасы, не тратьте ара патроны! И патроны: «бжеголашки» командан. Какое там взрыв, пограничники стреляли бережливко, разумно, наверняка, а стрелять все изредка невозможно: тогда немцы подойдут вплотную и ворвутся в траншею.

Но им и так удалось приблизиться метров на двадцать. Лишь гранатами вырвали оцепление, оставив немцев отходить. Сиворцов озабоченно применил: сколько эр-ге-да нустили в ход! Хорошо, что фашистов отогнали, плохо, что гранат порядочно израсходовали. Продержаться до подмоги из командирской, из отряда! Когда она прибавит, неизвестно, поэтому надо расширить свои силы и возможности. Не просятесь бы. Или Брегальник! Держать! Кому надеться? Кому надеться? кто и они отбили атаку. Но ничего не знаю толком. Связных они не посылают, я — тем более: нельзя отравлять людей от боя, и так их мало. Если приспичит, пришлют посыльных. А что у Варанова! Гудят танковые моторы, и гул этот похож на выстрелы. Сидеть у места к хвосту. Неуверенно.

Товарищ лейтенант! — закричал Лобода. — Гляньте! И без бинюля было видно: двинулся к траншею не щелью, а толпой, немцы гнали перед собой трех бойцов. Израненные, окровавленные, со свалившимися в спину руками — концы веревки у немцев. Фу фуражки и петлицы Сиворцов определял: из железнодорожного полка. Их тех, что охраняли мост. Из варановских.

Пограничники прекратили огонь, обернулись к Сиворцову. Кто-то прокричал:

— Ах, паразиты, что уаунали!

И немцы не стреляли — торопились за плечами, жалась в кучу. Ощущая на себе тяжесть, идущие взгляды, Сиворцов ступил, смотрел на приближающихся бойцов. А мост, что с мостом! Неужели немцы овладели им! Судя по танковому гулу в той стороне — да. В это время один из пленных закричал, и его хриплый крик подхватили двое других:

— Товарищ! Стреляйте, стреляйте!

— Не жалейте нас!

— Бейте по фашистам! Огонь по гадаль!

Пленный кричал, на немцев пытался бить ногами, головой. Те в упор расстреляли бойцов и, бросив их, побегали назад, к кустам. Все это произошло так быстро, что Сиворцов не успел ничего командовать. Но и без его команды пограничники открыли огонь по отступавшим гитлеровцам. И сам он выпустил очередь.

Голос Лободы:

— Товарищ лейтенант! Гляньте!

Сиворцов уже слышал этот возглас. Зачем Лобода повторил его! Или это примерщилось и никакого возгласа не было! Сиворцов вопрошительно поглядел на сержанта:

— Что тебе?

— Гляньте! Ползат жалдор!

Сиворцов Сиворцов подумал, что ползет кто-нибудь из тех, кого немцы не видели, но не чет, они немцы неподвижно застреливали в упор. А полз человек с другой стороны, от моста, — между кустами, тропинки и воронками. К траншею. Как пробираясь через немецкие позиции, через твое колесо! Неполостижимо.

Дрался до последнего момента Сиворцов. — Беря бойца, и помогите железнодорожнику! Живой! Одна нога здесь, другая там!

Пограничники вылезли за бруствер, подбежали к красноармейцу, подхватили его под руку и потащили в траншею.

Красноармейско-железнодорожник был ранен, залит кровью, пошатываясь, его поддерживали. Товарищ с трудом, записав:

— Дрался до последнего патрона... Окружа моста почти все погибла... — А старший лейтенант Варанов! — спросил Сиворцов.

— Погиб...

— А пограничник?

— До единого мигал... И я буду мертвый. Я весь пораненый... Молодцы, ребята, но вы почти измучились.

— Не надо слез, — сказал Сиворцов. — Сейчас тебя перевяжут, ты еще поживешь, и воевать будешь, и победить.



# ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Через секунду прозвучат автоматные очереди...

Ее зовут Во Тхи Лиен. Двенадцатилетняя девочка с большими черными глазами и двумя длинными косичками. Она пережила зверскую расправу, учиненную американскими солдатами в южновьетнамской общине Сонгми. Она одна из немногих свидетелей трагедии, которая потрясла мир. Вот ее рассказ.



то случилось 16 марта 1968 года. Разрассею. Я проснулась от грохота. Разрывы снарядов потрясли нашу хижину. Американцы обстреливали деревню с артиллерийской базы километрах в восьми от нас. В 6 часов утра над деревней появились вертолеты. Я запомнила это время. У нас были старенькие часы. Ракета угодила в нашу хижину, и стрелки часов замерли ровно в шесть. Потом я видела, как выходящие американцы. Их было одиннадцать. С автоматами наперевес. В темно-зеленых куртках. Они стреляли по нашей деревне. Я пробегала в бомбоубежище, где были моя бабушка и дедушка. У входа в убежище появился американский солдат. Мы знали: надо выходить, иначе он откроет огонь и никто не останется в живых. Бабушка, а за ней и я поплыли к выходу. И вдруг... ослепительная вспышка. Последнее, что я помню... фигуру американца с поднятой гранатой над головой...

В сознание я пришла под вечер. Убежище было разрушено. Полено конюсовой лавины придавило мне ноги. Я попытался выбраться. Наверу раздавались выстрелы, крики солдат... Мне было страшно. У выхода из убежища я наткнулась на бабушку. Она была мертва. Потом я вышла леда. Он был еще жив...

Когда выстрелы наверху стихли, я выбралась на поверхность. Деревья словно вымерли. Я брела по улицам, как во сне. Сожженные тачинки, обугленные пальмы. И группы, целые кучи трупов... Дядюшка Тоан лежал с оторванными руками. С ним рядом — грудной ребенок. Его вил.

Неожиданно я услышала стоны и голоса: «Спасите!» Это был Дин, мальчик из соседней деревни. Я помогла выбраться ему из убежища. И тогда поняла: нас выжило только двое — Дин и я. Мы бродили по нашей деревне, пытались найти кого-нибудь еще.

На берегу речушки Чаику, маленькой, извилистой, неподалеку от нашей деревни Микой, мы встретили группу жителей соседнего селения, человек двадцать или тридцать. Они пришли хоронить убитых. В Сонгми их было около 600.



Факты о кровавой бойне в Сонгми стали достоянием печати. Даже буржуазная пресса США, в том числе журнал «Лайф», из которого мы перепечатаваем снимки, не смогла пройти мимо этого злодеяния. Американские военные власти были вынуждены начать «расследование», пытаясь в то же время создать впечатление, что Сонгми — «единичный случай». Но можно было бы найти немало свидетелей, переживших варварские расправы интервентов с мирными жителями, женщинами, стариками и детьми в Балаггане и Хайане, под Шолоном и Хьюэ... Вся грязная война Соединенных Штатов против вьетнамского народа является чудовищным преступлением перед человечеством. И нет никакой гарантии, что трагедия Сонгми не повторится сегодня или завтра.

И запылало зарево пожара над Сонгми...



Пули картешей не пощадил ни стариков, ни младенцев.

# В СОНГМИ



В предлагаемой статье автор ставит проблему: лечение красотой, воздействие на человеческий организм, на его здоровье эстетическими категориями. Решая эту проблему, в содержание с врачом должны вступить архитектор, художник, музыкант. Возможно, возникнет новое направление в медицине.

Под солнцем плачущей ивы \* Ступицы открытого пространства \* Архитектура душиной пустоты и окаменевшая

олжеч соняться, что такой звукой лет. Тотчас подлетит. Но в тот момент, когда я сиелся в сметка почитающейся «Комете» и смотрел на струи морской воды в иллюминаторе, я думал иначе. Я был в Ступице, к человеку, который первым проназвал слово «стетикотерапия». И если таким чудотворным было одно только слово, то каким могло быть дело?

Мне очень хотелось узнать, как родилась сама идея стетикотерапии. Ведь дело в том, что люди во все времена ценили красоту и во все времена стремились жить с ней рядом. И что это особенно, если современная человек старается жить то же самое. Действительно, ничто особенно. Даже люди нашего поколения могли почувствовать очарование старинных парков, заложённых ещё в прошлом веке. Слышали они, очевидно, и о целебных действиях роса, запах и цвет которых успокаивает, снимает головную боль, о голубых цветах дельфиниума, что полны для зрения (это замечали в Германии ещё в прошлом веке о герани, запах которой помогает от бессонницы. Но современный человек не только накопитель сведений. Он часто любит задавать вопрос: а почему?

Тихий и неразговорчивый Николай Иосифович Юрченко сразу же спросил, когда вдруг стал замечать под мощной плачущей ивой, росшей на территории санаторного парка, одних и тех же людей. Они приходили почти каждый день.

— Меня это очень заинтересовало, — вспоминает Юрченко. — Поначалу мыслями с истериями болезней этих людей, я попал, в чем дело. Все они страдали одним и тем же видом невроза, характеризующимся частыми приступами возбуждения. Деятельность же наоборот усиливалась им, успокаивало, заставляло. Под его раскисистой кроной они чувствовали себя увереннее.

Позже Николай Иосифович заметил, что люди с авторитарной психикой, наоборот, больше любят аллен кипариса или пирамидальных тополей, которые по форме противоположны плачущей иве. Строгие, живописные, они будят внимание, тонизируют, будоражат.

Выводы напрашивались сами собой: форма деревьев, очертания их кроны, направленность ветвей и колорит листьев обладают большим эстетическим значением. В течение века, возможно, не меньше, чем архитектура и живопись. Юрченко с увеличением начал работать над планами возможного преобразования санаторных парков. Рассуждая он адрово: плачущие ивы, гамалайский кедр, платан, берест, которые как бы защищают человека, настраивают на спокойный лад, нужно рассаживать вдоль водоемов с беседками. Это будут «толстые для отдыха. На пирамидальных тополей, кипарисов, некоторых хвойных нужно создавать тонизирующие аллен. Кроме того, нельзя забывать и цвет. Красный возбуждает, увеличивает расстойли, голубой и зеленый успокаивают, филоцветный благотворно действует на сердечно-сосудистую систему, синий — нейтрален, скрадывает расстойли, чермь уютен.

В общем, ступицкий врач проназвал идею создания лечебных парков и по возможности следовал ей в своей профессиональной жизни. Но, уходя от него, я чувствовал некоторое недоумение. И не только потому, что, кроме проекта, после него не было ничего. (Чтобы осуществить только самые скромные планы Юрченко, необходим целый институт профессий — от врача и ландшафтного архитектора до экономиста и садовника.) Суще-

ственно было другое. Вообще ничего не говорится об изучении самих механизмов воздействия эстетики среды на человека.

А исследовать их, наверное, не менее важно, чем механизм химического воздействия на человека воздуха, воды и земли. Наш изобретательный мир на три веках артеганью и на одо звуковой. Благодаря наблюдениям неба (смена дня и ночи и времен года, ритмы появления звезд, планет и так далее) возникло понятие порядка, проводником которого стала закономерность (а философия) и гармония как основа красоты. Я говорю об этих, казалось бы, далеких от темы сведениях, чтобы напомнить, как велико значение эстетики для человеческой культуры. Не менее существенно оно и для человеческого здоровья. Мы же это чувствуем, понимаем, но не можем сослаться практически ни на одно научное исследование.

Мы понимаем, как важна для нас живая природа. Недаром ведь мы используем малейшую возможность для того, чтобы устремиться в лес или к реке, завести книги и живописные альбомы в дорогу. Все эти стремления в очень большой степени определяются потребностью в эстетике. Поэтому сейчас, может быть, важнее, чем создание лечебных парков и прекрасных ландшафтов, является изучение влияния воздействия на человека красоты. Это нам пригодится не только в деле реконструкции живой природы, но и в создании новых городов и жилищ, усовершенствование информационного «чипования». Причем не только артеганью, но и звукового. Другими словами, только изучение механизмов воздействия на человека красоты поможет нам понять, что такое благоприятная среда и как она сказывается на нашем здоровье.

Несколько слов из недавней статьи «Биосфера» профессора Rockefellerского университета Рене Дюбо, который всю свою жизнь посвящает изучению среды жизни.

«Обрушение, создаваемое людьми в соответствии с их потребностями, — пишет он, — весьма значительно определяет ту форму жизни, которую они передают последующим поколениям. Следовательно, окружающая нас среда является сегодняшним миром, но в своих основных чертах сказывается на молодежи и, таким образом, определяет будущее общество. Поэтому очень важно, что мы так мало знаем о том, как человек влияет на условия среды на умственное и физическое развитие детей, о том, какой отклик получают они в жизни уже взрослого человека».

«Обрушение, создаваемое людьми в соответствии с их потребностями, — пишет он, — весьма значительно определяет ту форму жизни, которую они передают последующим поколениям. Следовательно, окружающая нас среда является сегодняшним миром, но в своих основных чертах сказывается на молодежи и, таким образом, определяет будущее общество. Поэтому очень важно, что мы так мало знаем о том, как человек влияет на условия среды на умственное и физическое развитие детей, о том, какой отклик получают они в жизни уже взрослого человека».

А вот что писал в тридцатых годах об архитектуре выдающийся советский архитектор и публицист А. К. Вурзо:

«Что такое архитектура? Это не стиль Ренессанса и Барокко или какой-нибудь другой, — это не дом и даже не город. Все это только части огромного явления, в котором она воплощается. Архитектура — среда, в которой человечество существует, которая противостоит природе и связывает человека с природой, среда, которую человечество создает, чтобы жить, и остается потомком и наследником, как ултика раконому — иногда жемчужку».

Две разные цитаты, написанные разными людьми, разных общественных систем и в разные времена. Но трудно отрицать, что мысли они воплощают. Архитектура — среда, в которой человечество существует, которая противостоит природе и связывает человека с природой, среда, которую человечество создает, чтобы жить, и остается потомком и наследником, как ултика раконому — иногда жемчужку».

рочно: никто не собирает обрывать в струю: является недовольство — предосторожно человеческой личности. И здесь опять мы сталкиваемся с той же самой проблемой: нам кое-что известно о физическом климате среды (влияние воздуха и воды, температура, освещенность и так далее), и почти на «что мы не знаем о климате эстетическом».

Главный архитектор города Таллина признавал мне о том, как однажды, приедя с командой на рисовую галерею, он вдруг сделал для себя открытие: не успевая, все стали говорить шепотом.

Известно, как воздействие на эмоциональную сферу человека культурные сооружения. Например, архитектура египетских храмов подчинена одной цели — известности человека до нуля, превратить его в песчинку, поклоняющуюся божеству. Архитектура церкви — другой цели: концентрации человеческого внимания. Иначе говоря, старинные храмы программировали поведение прихожанина.

А такая программа заложена в урбанизированной среде современного города? Нет, мы не можем сказать: никакой. Программы есть — предельно жесткие, утвердившиеся стандартизации. В результате большинство западных ученых и публицистов вынуждены признать, что в такой среде затруднено полное использование биологического богатства, здоровья и человеческого и человеческого счете может помешать дальнейшему развитию цивилизации.

Чтобы создавать архитектурную среду, в которой могли бы максимально проявиться природные способности человека, и человек он чувствовал бы себя хорошо и свободно, нужно знать эстетическое значение главных пространственных форм, лежащих в основе человеческого поведения. Это знание не скапливается оно на человеческом здоровье. В общем нужно знать эстетикотерапию. И кое-что нам уже известно.

Вспомним с этим феноменом встретились психиатры новых районов не только американских городов. Любопытно, приходящие на прием, утверждая, что боятся открытого пространства. Сначала врачи недоумевали, но позже выяснилось: наука встретилась с новой формой массового психоза — «близость открытого пространства».

Рождение нового психического заболевания совпало с моментом широкого использования в строительстве стекла и прозрачных материалов. Представьте себе человека, привыкшего к узким коллидам между небоскребами, в которые, как в щельку, заглядывали небо, к перспективе, вся информация которой исчерпывалась однообразной стеной модного интерьера. Понятно, что, столкнувшись перед широкими окнами и прозрачными стенами, такой человек как бы лишился привычного защитного покровя, лишился одиночества. Стены все видны, все слышно, все учтено. Легко можно понять, что нервная система некоторых людей не выдержала.

Следует особо подчеркнуть, что близость открытых пространств для человека противостоит. Подальше от большинства людей формируются средой, где присутствуют и горизонт и далекая перспектива. Зарплата их архитектура конца XIX — начала XX века, делавшая небоскребы, делала и уютными коробки, называемые домами, подтверждает сам самым вполне очевидную мысль о том, что манипулирование средой, мы довольно оптимистично и самого человека. И если теперь обратиться к другим исследованиям,







Анатолий КУДРЯВЦЕВ,  
Лесина ВИТИНЕН

# ЛЕНА БЕЛОВА РАССКАЗЫВАЕТ О ЛЕНЕ НОВИКОВОЙ

1961 год — впервые взята в руки рапира. 1966-й — чемпионка Белоруссии. 1967-й — серебряный призер Спартакиады народов СССР. 1968-й — чемпионка Олимпиады в Мехико (перед этим победительница почти всех международных турниров года). И, наконец, 1969-й — чемпионка мира (перед этим снова выиграла все крупнейшие соревнования года, в том числе «Серебряной рапиры»).

Такова краткая спортивная биография Елены Новиковой, той самой Новиковой, победу которой на Мексиканской олимпиаде признали самой большой неожиданностью. Даже приз ей за это вручили. Лена показала нам свои дневник — скромную тетрадку с разрозненными, случайными записями. Мы прочитали ее, сделали выписки. А потом стали задавать вопросы. И вот что из этого получилось.

Это похоже на какой-то странный танец — легкий, изящный. Но он требует особого настроения...



## — ЛЕНА, ПЕРВЫЙ ВОПРОС ТРАДИЦИОННЫХ: КАК ВЫ ПРИШЛИ В ФЕХТОВАНИЕ?

— И училась в восьмом классе и в баскетболом. Я очень любила прыгать. Настало, что мама начала опаваться, как бы эта приверженность не сказывалась на отпрыске. Она даже попросила Ларису, мою старшую сестру, поехать вместе со мной. Если б она знала, к чему это приведет!

### ИЗ ДНЕВНИКА. ЗАПИСЬ ПЕРВАЯ.

Сегодня Лариса затеяла на соревнование фехтовальщиков. Сидела на балконе. Не думала, что фехтование так красиво. Большой зал. Осна. Зеркала вдоль стен. И узкие, длинные дорожки. Белые костюмы и темные сетки масок. Фехтовальщики делают быстрые выпады, махи шапкой и стрелой бросаются на противника. Звонят рапиры... А когда на дорожках одновременно несколько пар, сверху это похоже на какой-то странный танец — легкий, изящный.

...И с тренером я сегодня познакомилась. Молодая женщина в спортивном костюме сказала: «Сестра! Похожи, похожи... Что, нравится у нас Лариса, приведи-ка ее завтра на тренировки». Тренера зовут Лариса Петровна Бокун.

### — ЧТО, ТАК ПРОСТО ВСЕ РЕШИЛОСЬ?

— Нет, мне было нелегко порвать с баскетболом. Я даже пыталась совмещать первое время, но разрыв был неминуем. И немалую роль сыграло то обстоятельство, что я была самой маленькой в команде. Меня так и звали — «маленькая». И хотя, помню, у меня здорово получались проходы под кольцо, прыжки и поле я хорошо видела, но под шумом была беспомощна. А разгрызающая и без меня имела отличная.

### ИЗ ДНЕВНИКА. ЗАПИСЬ ВТОРАЯ.

Уже несколько тренировок занимаемся с оружием. Надеваем костюмы, маски. В маске дышит нечем, жарко до невозможности. После тренировки потогонные футболки. Работаем сейчас в основном над техникой. Прием, Уклоны. Защиты. «Шафлеум», как говорит Лариса Петровна. До бесконечности. Надеваю порывком. А может, я уже из баскетбола устал?

### — ВЫ СРАЗУ НАШЛИ ОБЩИЙ ЯЗЫК С БОКУН?

— Да, сразу. Лариса Петровна уже тогда была знаменитым тренером. Одно это аставляло меня, 12-летнюю девочку, относиться с почтением к каждому ее слову. Она хоть и строга, но справедлива.

### — ЧЕГО БОЛЬШЕ НА ПЕРВЫХ ПОРАХ — УДАЧ ИЛИ ОГорЧЕНИЙ?

— Начинала я, как ни удивительно, с побед. Вначале мне не хватало техники, но это компенсировалось быстротой и реакцией, их я приобрела в баскетболе. И все же мне никак не удавалось достичь даже первой победы. Справедливо. Не выдерживали нервы. Все потому, что каждый поединок был для меня микропротренировкой. Помню, я выигрывала бой — и плакала, ну, а уж когда проигрывала...

### ИЗ ДНЕВНИКА. ЗАПИСЬ ТРЕТЬЯ.

...Лариса Петровна вчера строго рассердилась. Пришла на зал. «Ктобы возмужал себя в руки, вернешься. Обычно очень. Платоновы младшие, а я ей проиграла. И вообще что-то не получается у меня сейчас. Дыхалка не хватает. И рапиру совсем не чувствуешь. Черг бы ее побрал, зли рапиру. Может, тренировки ослабли!»

### — НУ И КАК, УДАЛОСЬ ПОВЕДИТЬ СВОЙ ХАРАКТЕР?

— Спасибо Бокун. Благодаря ей я научилась запоминать каждый свой промах, каждый удачный ход, планировать поражения. Вроде бы пушки, но фехтовальщики знают, как это важно.

### ИЗ ДНЕВНИКА. ЗАПИСЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Ну, вот и снова Минск. Вернулась со Спартакиады. Привезла «серебро». Хочется петь и танцевать.

Ленка, ты еще чемпионка страны! Друзья говорят: «Ленка, ты стала кокетничать». Газетоварищески на языке большого рапиры. Это они и знают неадекватно... А всетаки до Самары и Горюховой мне еще танцевать и танцевать... В сборную взяли — хороши!

### — КОГДА, ПОСЛЕ КАКОГО ВОЯ ВЫ ПОЧУСТВОВАЛИ, ЧТО КАК ФЕХТОВАЛЬЩИЦА ЧЕГО-ТО СТОИТЕ?

— Определенного боя такого я не могу припомнить. Но после Спартакиады, конечно, поняла: не зря ушла из баскетбола.

### — ВАША САМАЯ ОВИДНАЯ НЕУДАЧА В СПОРТЕ?

— О, я никогда не забуду третью олимпийскую медаль в Мексике! Более горького урока не получила — я даже не попала тогда в «десятку».

### — И НАДОЛГО ОНА ВЫБИЛА ВАС ИЗ КОЛЕН?

— Совсем даже нет. И заслуга в этом не моя. 68-го год, предоминанский, был насыщен различными соревнованиями. Так что вдаваться в душевные переживания просто не было времени: маж — Кубок Мартина, апрель — Кубок Белоруссии, май — снова Италия, турнир «Соборная рапира», в августе — чемпионат СССР в Таллине. И все они окончились для меня успешно. Лариса Петровна была довольна. Стабильность — лучше и желать нельзя. Меня включили в олимпийскую сборную. И уже майя Мексикой, но радость и беда, говорят, часто шагают рядом...

### ИЗ ДНЕВНИКА. ЗАПИСЬ ПЯТАЯ.

Сегодня вернулась домой. Мама, увидев затаиванную руку, страшно перепугалась. Потом успокоилась, даже обрадовалась: «Хоть месяц посидишь спокойно». Вот и сжу. Девочки сейчас в Будапеште выступают, а я не могу даже пошевелить пальцами левой руки. И терпеть меня черт пожелает на это столько времени. Поубавят только, перед самым отлетом. С билетом в кармане. Что же теперь делать? К концу сентября надо быть в форме, иначе Олимпиады не увидят.

...Вчера сегодня кросс. Каждый шаг отягощен лозем. Что-то медленно зашевелил. Скакнул у меня времени еще осталось? Помежками. Еще немного побегаю и возьму в руки рапиру... Работала с рапирой. Рука болит. Но уже не так. Дня через два дам ей полную нагрузку...

### — ЛЕНА, «КОМСОМОЛКА» ПИСАЛА: «ДА-Я!» СТАЛ ЧЕМПИОНОМ!» ЧТО, ВЕДЬ НЕ ОСТАВИЛИ ВАС И ПО ДОРОГЕ В МЕХИКО?

— Это, конечно, нельзя назвать бедой. Скорее курьез. За несколько минут до отлета вдруг выяснилось, что на меня нет билета. Но вот в Мексико меня подстергала серьезная неприятность.

### ИЗ ДНЕВНИКА. ЗАПИСЬ ШЕСТАЯ.

...Ну, почему же так не ослеп? Почему! Видна как гоготались! Целый год тренировок, тренировки, соревнования. И — на тебе! Трава за лязг дней до открытия. Растянула мышцу ноги... Ходить-то еще могу, но выпад сделать... Что-то теперь будет! Несчастливый твой звезд, Ленка... Предварительные бои позади. Как на тренировке, прошли без поражений. «Переиграть» задачу было нельзя: ее уже подали. Поэтому выступала одна безобразно. Теперь финал. Вас шестеро: Горюхов, Галз, Рейт, Пальм, Пальм и я. Все мне знакомы. Ох, если бы не эта мясца, как бы уверенно себя чувствовала сейчас!

### — ЛЕНА, КАКОЙ ПОДИНОК ИМЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО ЗАПОМИНИЛИСЬ?

— Ну, конечно, финальный бой со шведкой Пальм. Представляете, бой последний, счет 3:3. Чувствую, меня может спасти только техника. Пальм пытается уйти — прыгаю ей в помощь, но, к счастью, наступило ее в молдуле. Пришла в себя уже на скамейке для участников, ребята на руках отнесли.

### — ЖУРНАЛИСТЫ НЕ РАЗ ПИСАЛИ, ЧТО НА ОЛИМПИАДЕ В ПЕРЕГВЯЗ МЕЖДУ БОЯМИ ВЫ ЧИТАЛИ КНИГИ? И В САМОМ ДЕЛЕ ПОМОГАЛО?

— Помогало в том смысле, что отвлекало от страсти на дорожке. Это мой давний и самый надежный способ расслабиться.

### — НЕ ПОТУМУ ЛИ ВЫ И ПОСТУПИЛИ НА БИБЛИОТЕЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ?

— Наверное, да!

### — СОВМЕЩАТЬ УЧЕБУ И БОЛЬШОЙ СПОРТ, КОНЕЧНО, ТРУДНО. НО, ПРИЗНАТЬСЯ, ЧЕМПИОНСКИЙ ТИТУЛ ЗДОРОВО ПОМОГАЕТ НА ОБЪЕМАХ?

— Ну, нет, глубоко заблуждаетесь. Если бы вы знали преподавателей нашего института — это не только объективные большевики, но и объективные коммунисты. Визну, не верите. Вот, пожалуйста, заметка: за три дня до отлета я Гавану слала два «квоста».

### — КСТАТИ, О ГАВАНЕ, ГДЕ БЫЛО ТРУДНЕЕ, В МЕХИКО ИЛИ ТАМ, НА ЧЕМПИОНАТЕ МИРА? КАКОЙ ПОВЕДЕ БОЛЬШЕ РАДОУ ВАЛИСУ?

— На Кубе было труднее. Адекая жарка, да еще за неделю до чемпионата на тренировке повредила мышцу спины.

### — УЖ НЕ РОК ЛИ? ОЛИМПИАДЕ НАЧИНАЛИ С ТРАВМЫ, В ГАВАНЕ ТА ЖЕ ИСТОРИЯ... ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

— Знаете, помог мексиканский опыт. Сразу же взяла себя в руки. А тут с первыми боями появились адежда — спина болела все меньше. Но в полуфинале меня поджидала новая неприятность: кондом рапиры повредила налет рапиры. А потом перелом в румынской Драмбой. Лариса Петровна даже не выдержала напряжения, ушла, я пришла ее после победы в раздевалке. Обнялись, всплакнули от радости...

### — ЛЕНА, ВАМ 23. ВЫ ОБЛАДАТЕ ГРОМКИМИ ТИТУЛАМИ! — ОЛИМПИАДСКАЯ ЧЕМПИОНКА, ЧЕМПИОНКА МИРА. ЕСТЬ ЛИ СЮ ПЕРИЦА, КОТОРАЯ В БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ МОЖЕТ ОТНЯТЬ ИХ У ВАС?

— Любая из нашей сборной может реально претендовать на эти титулы. Очень перспективна Чиркова, Копуркина.

### — МНОГО ЛЕТ В ЖЕНСКОМ ФЕХТОВАНИИ СЧИТАЛАСЯ ВЕДУЩЕЙ ШКОЛА МАНАНКО. ВЫ ВОССТАНИЦА ШКОЛЫ БОКУН, В ЧЕМ ИХ РАЗЛИЧИТЕ?

— Школа Бокун — это сначала тактика, а потом техника. У Мананко — наоборот.

### — И В ЗАКЛЮЧЕНИЕ НЕСКОЛЬКО ФАКТОВ ИЗ БИОГРАФИИ...

— Родилась я на Дальнем Востоке в 1947 году. Мой отец — военный, и поэтому я уже в детстве много путешествовала. Жила в Ленинграде, Москве, тепею вез в Минск. Здесь же окончила 55-ю школу. Сейчас учусь на третьем курсе Минского университета...

### — ВАШ МУЖ ВЧЕСЛАВ БЕЛОВ ТОЖЕ ИЗ ВЕСТНЫХ СПОРТСМЕНОВ, ЧЕМПИОН МИРА ПО СОВРЕМЕННОМУ ПЯТЬБОРЬЮ. ВАС ПОЗНАКОМИЛ СПОРТ?

— Ну что вы! Чистойслучайность. В троллейбусе познакомилась.

### — КСТАТИ, ПОЧЕМУ У ВАС РАЗНЫЕ ФАМИЛИИ?

— По документам я теперь тоже Белова. Простр при выдаче зваыков никто не хочет регистрировать меня как Белову. Все Понякова да Ноникова. Сила приличия, кто ли?

### — И ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС. ВЫ ЛЮБИТЕ, КОГДА О ВАС ПИШУТ?

— Наверное, да. А кто не любит?

# ТРИ ГОДА

И. РОТИН

**Т**ринадцать августа тысяча девятьсот девятнадцатого года. Второй час ночи.  
Улучить минуту, когда отвернется конвойный, быстро разглядеть бумажный комочек, до били в пальцах сжать обломок карандаша.

И в темноте товарного вагона на смутный обрывок изольются свеческие слезы:

«Дорогая Тату!  
Она близко: от Темір-Хан-Шури до Порт-Петровска сорок четыре версты. Далеко она».

«Ищу в Петр. На станции в вагонах.  
Железная возня на станции перерастет в рывок парозова, вагон качнется и пойдет отсчитывать на стыках последние минуты».

«Мог бы расстрелян...  
Темн Каспий под насыпью, в темноту отодвинулись родные горы. Позови — пробурывает версты и вагоному стелю, брызнут искрами черные глаза Тату. Смотри и смотри в них.  
«Мог бы расстрелян, ничуть не боюсь.  
Я Вас люблю.  
Улюбуй».

— Впервые с Улюбуйем Буйнакским вы ведь познакомились в четырнадцатом году? — спросила я Тату Омаровну Булах.

Наш разговор происходил на ее московской квартире. Со времени встречи Тату Улюбуйю минуло более полувека. А годы знакомства с ним были, как казалось теперь, такими недолгими: 1914—1919!

Конечно, я понимал, что это были за годы. Мировая война, Февральская революция, Октябрь, установление Советской власти в Дагестане, интервенция, гражданская война... Сразу несколько эпох обило соборю время их знакомства. И потому прочно легло в память. Но только ли поэтому? Забывавши ли мы хоть что-нибудь из великой эпохи первой любви?

— Да, впервые нашу семью, — отвечала мне Тату Омаровна, — Улюбуй узнал в четырнадцатом году, хотя вырос в тех же местах и юношей не раз возвращался лето в Дагестан. В тот год мой брат Хаджи-Омар, студент, написал, что к нам придет его товарищ.

Увидела и сразу догадалась, что это Улюбуй Буйнакский. Он был в студенческой тунике и фуражке. Не новенькая одежда, но аккуртная. Вообще заметна была опрятность и подлинность. Между тем «чужак» Буйнакский жил на считанные гроши, добываемые уроками. Узнала эти житейские обстоятельства и задумалась над ними я позднее.

Был он среднего роста (это лишь на фотографии он кажется высоким), хороши были руки. Этого я не заметила, если бы не мама: «ты обращаешь внимание на его руки!» — спросила она меня много позже, когда Буйнакский был уже арестован. — Даже у женщин не бывает таких красивых рук!

Вообще мама была первой, кто оценил его достоинства. Она близко стояла к молодежи, всегда наполнявшей наш дом. Девушками, жонглировавшими, она умела скрыть наш всегдашний материальный трудности и всех принять, все накормить. Должно быть, Улюбуй сразу почувствовал, как просто и радушно она его встретили.

По общему приему мать думается. Потом мама сказала:  
«Пойду займусь хозяйством, а моя младшая дочь будет вас развлекать».

Мне было тогда двенадцать лет.  
Мы остались в гостиной, или, по-старому, кунацкой.

— Ну, чем вы там занимаетесь? — спросил он, заметив, вероятно, книги и тетради на краю стола.

«А я люблю переписывать из книг понравившиеся места или писать свои изложения рассказов, повестей — чтение было моей страстью. Брат на свои скудные средства выпустил мне журнал «Светлячок», за ним — «Задуманные слова». Напротив нас жила семья полковника, у них была одна из все книги «Золотой Библиотеки». Потом я добралась до библиотеки реального училища — она предназначалась для учителей, но ею заведовал наш знакомый, он принес мне книги».

Буйнакскому я ответила откровенно: люблю русскую литературу и хотела бы знать больше о ней в совершенстве.

— Верно намеренно! — сказал он, и между нами разговор пошел такой простой и дружный, будто это двадцатичетырехлетний московский студент давно уже бывал в нашем доме.

— Вас, наверное, утомил, — сказала мама, когда вернулась, — ведь вы с дороги».

— Нет,нисколько, — ответил он.

— Скоро придет моя старшая дочь, вам, надеюсь, будет интересно побеседовать с ней».

Сестра была на десять лет старше меня. Звали ее Изумруд. Она была начитанна, писала стихи, увлекалась театром. (Теперь ее в нашей республике вспоминают как первую переводчицу Чехова и одну из создательниц дагестанского театра.) Очень выразительное лицо, бронзовые волосы. Имя не в семье звали «чернушкой»: я была смугловата. «Черна, как галка, суза, как палка!» — в насмешку цитировала сестра пушкинские строки. Я не оставалась в долгу: «Круглая, красна лицом она, как эта глупая луна!» Жили мы весело, дружно; и всегда в нашем доме кто-нибудь — гости, а вечерами собиравшиеся товарищи брата и сестры. Буйнакский у нас познакомился кое с кем из тех, кто ставпотом его соратниками: двое погибли вместе с ним.

Едва ли не каждый день мог видеть у нас Улюбуй и мои соученики, близкую подругу Ину Курделову. Извещая, мечтательная, она иногда в нашу среду своеобразную ноту, но осталась вне круга тех широких интересов, которые так увлекли нас в последующие годы.

А Улюбуй в тот год, когда приехал к нам, прожил в Темір-Хан-Шуре все лето и уезжал, кажется, в сентябре. Из Москвы прислал мне толстую книгу — «О самосознании» Н. А. Губкина. На титульном листе я увидела надпись: «Тату! Да поможет вам это книга выработать цельное и красивое мировоззрение. Улюбуй». Еще он прислал подробнейший библиографический указатель, где красным карандашом отметил книги, которые мне следовало прочесть. И я доставала и читала их.

От него же в впервые услышала о Ленине. При встрече в следующем, 1915 году увидела в руках у него книгу Ильина и спросила про автора. «Это не настоящая его фамилия», — объяснил мне Улюбуй, — под своим именем он выступать в печати не может. Настоящая фамилия его Ульянова». При этом разговор присутствовал брат, он рассердился на Улюбуйа: «Ну, можно ли-ей так рано об этом говорить!» «Нет, не рано», — тихо отвечал Улюбуй. Он всегда говорил негромко, я не помню случая, когда бы он повисил голос. Только это не был голос доброго человека, нет — за мягкостью и добротой угадывалась такая убежденность, непреклонность, какую редко в то время можно встретить.

Говорит, продолжает особенно заметны даже два-три года разницы в возрасте... А я вот не чувствовала этого! Делится с Буйнакским всем, что думала, о чем мечтала. Он сумел сразу найти подход, взял верный тон. Впрочем, высказыв какой-либо тон было не в его натуре. Необыкновенная простота — вот загадка и вот сила его! Простота эта была особая, она соединялась с громадной глубиной чувств.

Наша дружба, в которой он выступал наставником, внимательным советчиком, шла открыто, на глазах у мамы. Ей я сказала о первом же письме, полученном от него: в письме упоминался мой брат. Иногда в письмах мне не приходило, что за наш разговор хотелось что-то больше. И мама так на это смотрела. Она даже сватала за Улюбуйа дочь своей приятельницы. Это случилось, кажется, в 1916 году. Маминна знакомая была частой нашей гостьей, но возмилась за ней некоторые странности, почему мама и говорила, Улюбуйа ее за стол: «Вот самовар, вот лощетка, стакан, блюдце — можете сами их взять и попольсаться!» Когда мама стала называть Улюбуйа ее дочь, он только сказал своим обычным тихим голосом, с легкой улыбкой: «Я ничего не имею против этой девушки, но скажите, не стает ли она в старости похожей на свою мать?» Моя мама расхохоталась, закончив на этом роль сватов.

Московских писем Улюбуйа было более десятка. С нарастающим революционных событий стало небезопасным держать их в столе — у нас потом бывали обыски. Я спрякала письма в печную огудушину. На беду, моя тетя задумала затопить печь. Когда я спохватилась, листки уже совсем потемнели и покоренились...

19 июля 1919 года Улюбуй Буйнакский написал в порье письмо Тату Булах. Оно оказалось последним (или одним из последних; точная датировка из-за утраты оригиналов затруднена) большим посланием, полученным ею!

«Милый друг!  
Как я благодарен тебе и как в то же время чувствую себя недоволю: столько забот, столько стараний с твоей стороны, что я не знаю, как и быть без твоей помощи».

Сегодня ты опять здесь, говоришь, с пропуском от ген. Халилова. Дорогая, прекрасная Татушенька, будь осторожна, осторожна и осторожна, враги на все способны! Если с тобой что-либо случится, я тогда погиб, так

Полностью публикуется впервые; лишь небольшой отрывок из этого письма был опубликован ранее.



Услубий Буйанаский.

Тату Омаровна Булак.



и знай это. Говорю это, а радуюсь и люблюсь тобой. Вот выпало на долю счастье, и в какой момент! Одновременно — и солнечное счастье и черная смерть!.. А ведь в самом деле, едва ли можно считать более лучших и положительных друзей, как смерть и жизнь... Ну, а сторону твою.

Давай лучше поспори.

Помнишь, когда я однажды уезжал в Москву, ты провожала меня с плавающей. Тогда я уехал, весь занятый мыслями о тебе: не было ни одного дня будничности в Москве, когда я о тебе не вспоминаю, ты была слава, хорошая девочка. Это было, вероятно, в 15-м году. Затем в начале революции, когда я жил у вас, помнишь, я был почти все лето в каком-то болезненном состоянии: было последнее очень плохой для меня московской зимой. Так вот тогда все время подвирал критике себя самого, разбирая себя со всех сторон и приходил к отчаянному для меня выводу: я не тот человек, который может дать тебе максимум счастья, что я больной, истерзанный и потому должен совершенно отстранить себя от твоего пути. Помню, как-то говорил с Изумрудой в общих выражениях без лиц [вопрос был поставлен: «о» — я хочу о тебе сказать, но как так высказаться, что если найду себя несостоятельным дать счастье любимому существу, то я уйду, должен уйти. Затем вот что очень важно: между тобою и мной не было равенства, как-то всегда выходяло, что я учитель какой-то, а ты ученица. Дополняя, жерт लेकर, этой! Ты говорила, богица, перед которой я стою на коленях, молюсь и целую ножки! Ты, как богица, можешь со мной поступить, как тебе заблагорассудится — отвернуть, оттолкнуть, как недостойного, или приласкать, притянуть к себе. В первом случае я научусь вникать, в проявить, я гибнуть, но ты богица, ты вправе сделать это: во втором — я на высоте блаженства, кругом от счастья ходит голова, и — ну, не знаю, кто и что я тогда...

Бывали моменты, когда я интересовался твоей подругой Аней; да, я ею интересовался и пришел к выводу, что она может быть и красивая, и симпатичная, и хорошая как человек, но что она подруга была только женщиной, в смысле — слабой обманутой; у нее не было жизни общественного работника, она уже тогда носила печать какого-то разочарования, она была интересна именно этой своей особенностью. Она не раз, когда с нею случалось беседовать, говорила: «Я зреловата, вот поспокорите — застрелите». Почему! Не умею сказать, это у ней сидело в натуре. Такой натурой можно, по мне, уальчаться на миг, но, не найдя более глубокого, с моей точки зрения, так же быстро и охладеть и потом ничего не выжить. Мне думается, Тату, что любовь моя должна превратиться и вправо моего сознания, мироощущения, ибо я хочу видеть и чувствовать в объекте моей любви еще и друга. А знаешь, можно любить, глупо любить, с потерей рассудка и временами презирать, ненавидеть любимое существо! Это бивает.

Тебя же, товарищ мой (фх, какое монархическое выражение!), можно любить, обожать и в то же время видеть и находить друга. Это, по-моему, самое важное! Ты — любовь моя и друг мой! Так ли!

Ты все молчишь, испытываешь и томилшь меня. Ну, скажи, раскрой мою сомнитель! Скажишь! Правда! Не заставляй мучиться, прекрасная! Целую руку.

Любящий тебя Услубий.

19. VII.

В письме от 19 июля Услубий вернулся к годам и встречам, про которые нам рассказывала Тату Булак. Вернемся к ним в ту давнюю пору и в те места, без которых нам не понять и не оценить судьбы двух молодых дагестанцев.

Дагестан Вулканический двадцатый век обнял его многословный уклад, как обнимают при горном разломе пестро и плотно сляжающиеся пласты. Пароходным гулом прорезая молитвенный шепот мари, власть шарлатана сосуществовала властью господина директора гимназии, и надо ответить себе, кто твой герой: горец Шамиль или с соседней улицы рабочий-типографчик, восторженно рассказывающий про большевиков.

Кажется, учебные занятия не пойдут на ум, когда ты уже приспосаблился и революционному подполью с его тайнами и опасностями. Но факты из гимназических учебников (и позже — из университетских) наизываются, как на стержнях, на совсем особый, царским министром просвещения не предусмотренный, подход к жизни: на революционный диалектику. По этому предмету можно же, учебный материал не выписывая, записана. Добить, промочь, продумать — для Услубия Буйанаского это предпочтительней вечерних встреч со сверстниками и сверстницами.

Много позже он любимому человеку откроется, что в свои сознательные годы не имел времени... влюбляться.

Пройдет несколько лет, и под пером Услубия Буйанаского затрепещут строки, которые мы вправе поставить рядом с образцами любовной лирики, хотя строки эти не будут зарифмованы и сохранят весь облик полемического разговора с товарищем по борьбе.

Но пока перед нами Услубий, погруженный в подпольную работу и учебу. Знания, взять знания! Исключаемый за революционную деятельность из университета и вновь зачисляемый в него (что всякий раз требовало от него огромной настойчивости), Услубий отвечавший науку, без которой, как он понимал, нет сознательного участия в революции.

В московском кругу студентов-кавказцев упорные споры, споры до тилого крика: на весь-то дом не возопишь, когда речь о том, прав ли не прав Ленин в своем отношении к войне. Но попробуйте сбить Буйанаского, защищающего большевистские лозунги!

Он уже вышел на путь кровавого родства и присягнул пролетариату всемирному братству. Он уверился, что бесчисленным наречиям Дагестана верно светит одна звезда социализма... И те же, как камнями, будут побивать седебородыми обычаями, сопротивление Советам назовут священно войной, и не военно-полевой, а военно-шарлатанский суд приговорит тебя к смерти.

Словно предчувствуя петроградскую рабочую грозу, Буйанаский осенью семнадцатого года переехал из Темир-Хан-Шуры, где с мая жил и действовал, в Порт-Петровский.

Вечером 25 октября Совет рабочих и солдатских депутатов радостно отозвался на весть о вооруженном восстании в Петрограде. В ноябре про-

возлагали Советскую власть. На пустыре у Ларинских казарм сошлись рабочие, горцы из ближних селений, солдаты. Говорит Уллубий Бунайкин:

— Отыне судьбы жителей гор и сквал, судьбы всех грудящихся Дагестана будут решать не арские чиновники, не министры Временного правительства, не шейхи и богачи, а вы сами...

Лето 1918 года. Первый областной съезд Советов в Темир-Хан-Шуре. Решено послать в Москву делегацию во главе с Бунайкиным. В Москве он узнает, что банды Бичерахова захватили Петроску.

Народный комиссар по делам национальностей создает Чрезвычайную коллегия и вводит в ее состав Бунайкина. Он напряженно работает в коллегии. По ее заданию уезжает на юг. Перед отъездом встречается со Свердловым и Кировым. В гостиничном номере у Кирова знакомится с армянским полкбратником Оскаром Лецинским. В Астрахани комиссар создает из местных горцев конный полк. Полк отозван дерется с противником, но в районе Кизляра II армия вынуждена перейти к обороне. Бунайкин через линию фронта перебирается в Дагестан.

Так началось в феврале 1919 года его последнее подполье. К февралю же откосился и первый из сохранившихся его писем:

«Борьба наша близится к концу: весь мир будет пламенем пожара, нет угла, где бы не было зарева нашего огня. И вот в такую минуту не только интересно, но любознательно, именно любознательно, слышать, а уинки ли будет сердце человека, которого, может быть, больше чем только уважаешь...»

Какое осторожное поупричнение! Она ему напоминает, как он в прописи, о своих духах, чинах, симпатиях, об уме. Отвечая ей, он помогает определиться ее стремлениям. Он говорит: «Молодость, молодая в данное время, не молодость, а ветхость». Советует: пусть найдет с помощью агитационной и самой первой агитаторшей-горкиной. Обещает при встрече подробней поговорить о ее работе. То ли после этого письма, по которой он решился заговорить о своем, и ней отношении: то ли она сама сказала какие-то слова нечетко, где теперь ее сердце, но он пишет наконец письмо-признание:

«Дивная Тату!»

«Не знаю, где Ваше сердце, но одно могу сказать — когда я Вас не вижу, я стрелюсь к Вам, я неспокою. Я Вас всегда буду уважать, что бы Вы мне ни сказали. Самая откровенная образцовая женщина всю правду, что и в Вам, говорю Вам и Вам. Но бы Вы мне ни ответили, мои симпатии к Вам не убудут. Ответьте мне, разрешите ли мне назвать Вас: дорогая Тату! Еще раз повторю: каков бы ни был Ваш ответ, я ни на минуту не перестану Вас уважать и всегда сохраню с Вами самые товарищеские, дружеские отношения.»

Жду ответа

Любязия Вас Уллубий.

А вскоре он написал — заставил себя написать — другое письмо:

«Чудная Тату!»

«Вот Ваша «ручка Вашей»: любовь моя чиста и светла и ровна ни к чему Вас она не обязывает. [Пишу это, беседуя с одним товарищем о предметах, ничего общего не имеющих с данным вопросом; не дают с утра урвать минуту]...»

Та занятость, которая не позволяла сосредоточиться на личном, слышнута, и он продолжал это письмо, оставшись один. Вид, возможно, уже поздний час. Он снова вспомнил, что она ему ответила (а она ответила нечто малорезультатное для него). И прорвалось настроение горькое, мучное:

«Скажу определенно — нынешнее лето может быть на долгий промучок последние мои пребывания в Дагестане. После завершения борьбы, после того, что Вы мне ответили, у меня не останется никаких связей, никаких интриг...»

Ему, как и всем влюбленным, представляется в ту минуту, что ее определилось, остановилось на тех ее словах, какие он услышал в ответ на свое признание. Что ж, он сам дал ей право выбора, сам уверил, что готов уйти, откатиться от любви.

«Итак... Любить Вас в душе своей всегда я буду; если прикинете, я постараюсь любить все с душой, но сознано к Вам самое солнечное отношение...»

Пусть читатель запомнит это исключение.

Последнее подполье...

Порт-Петроск, аул вокруг Темир-Хан-Шуры, испытанные друзья-большевики и новые люди, вступающие в борьбу против Горского правительства, видны Бунайкинскому в те дни. Проведена партийная конференция. Создан обком и военный совет. В горах рождается — от отряда к отряду — партизанская армия.

Приметал Оскар Лецинский. Рассказывает, что Ленин следит за событиями в Дагестане и торопит посылить Петроску. 13 мая в дом Абдул-Вагава на Апшеронский полуостров перенесено экстренное заседание члена обкома партии и военного совета.

Герхард Халлов призывает окружить дом и всех арестовать.

Эскадрон ротмистра Измайлова выполнил приказ.

«Милые друзья! мой, Бунайкин и Лецинский, как могло случиться этой! Только что из маленькой комнаты Абдул-Вагава вы писали письмо на кумыкском языке — Уллубий, на русском — Вы, Оскар; Вы ведь худощавый, у Вас это выходило быстро и красиво. Из аулов прибывали командиры отрядов, вы давали им последние распоряжения... Откуда же и как пришел этот сокрушающий удар!»

В устье дала — было сомнений. Председатель Дагестанского областного комитета РКП (б) Бунайкин свое письмо начинал так:

«Товарищи из Терского Народного Совета — Бутырин, Буле, Орджоникидзе и другие! Кто из вас остался жив! Я в Петроске, Киров в Астрахани. От нашего общего имени и по поручению Реввоенсовета XI армии сообща вам: Петроски и Шура — накануне Советской власти.»

Письмо помечено 1 мая 1919 года. Через две недели члены Дагобкома арестованы. По всему видно, что без предательства тут не обошлось.

Из аулов в Темир-Хан-Шуру халлинулы повстанцы, взбуряющие вестю о нападении на их руковоителей. Окружили тюрьму. Послали делегацию в Халлов.

«Не верьте генеральским обещаниям!»

Но как не верить, если рядом с ним стоят шейх-ул-ислам и из уст его, духовного главы Темир-Хан-Шуры, набожные, неграмотные горцы слышат зарекания, что завтра же будет возвращена свобода Бунайкинскому и всем остальным арестованным.

Но их перешло в петровскую тюрьму и заключил в кандалы.

Перед тем три месяца в подполье Уллубий прожил в двойной лихорадке работы и любви. Все получил — а все потерял — это соседство с кем-нибудь. Арест, тюрьма и суд еще тесней переплели радость и утрату.

В тот год ей семнадцать, ему нет и тридцати. Незаметно, как вода в песок, ушла двойная разница их возрастов. Остается то различие, что чувство Уллубия копилось годами, а у Тату раскрылся амиг. Под ледяным ветром потерей испытывает любовь к человеку, который любит тебя и которого ты, может быть, еще сумеешь спасти.

Из тюрьмы тайно переправляют письмо. Би даю поручение, от верно-го исполнения которого, поясняет он, «зависит мое «быть или не быть»».

«Итак, Татуша, я Вас заставаю рисковать! Ради Ваших глаз будьте осторожны (я в особенности люблю Ваш глаз).»

Если придется умирать, буду кричать: «Да здравствуете, Советская власть и двойное солнце мое Тату.»

Уллубий.

Сближения между ними шла все время. Способов переписки применял немало. Уллубий, который не курил, передавал папиросы Тифлисской фабрики «Солданыч», чья солидность хороша только тем, что мушкетер у них крутые и вложить туда записку на тонкой бумаге очень удобно.

Тату Омрарова рассказала мне, как выписала поручение Уллубия и как она, подпольщица, помышала осуществлению плана побега. Возникли новые планы.

«Там дальше не может продолжаться: или пан, или пропал; сделалю все, чтобы вырваться из мешка каменного. Конечно уже готовы: оружие, пища и т. д. Охрана для нашей команды спешивалась — это сильно мешало. Письмо черное, а дышит радостным подпольем: до заключенных дошли вести о победах Красной Армии, о выступлениях западноевропейской рабочей в защиту Советской России.»

«О, Тату милая, если бы ты знала, как хочется выйти на свободу и работать, работать за тобой!»

И как этот душевный взлет, порожающий к решительному действию подпольно-го светского поэзии — тройной поэзии жизни, борьбы и любви.

«Я сейчас, несмотря на заключение свое, чувствую себя самым богатым человеком в мире. Я стрелюсь и одновременно пытаюсь лучить трех солнц: общего свое, Советской власти и, наконец, твои лучи, ты, мое солнце.»

Читавше последние письма петровского узника и слышши эту главуную — солнечную — тему. Но не только в ней музыка писем. Уллубий то над собою иронично улыбаясь, как бы оградя себя от выспренности, и подписывает: «Срочнейших твоих, несчастных твоих Уллубий...» то над Тату пошутит: как она объявляла себя «без пяти минут большевичкой...».

Однажды Уллубий пошутил от Тату письмо, которого ждал все годы, как улан и полюбил ее.

«Пишу эту записку, — торжественно сообщая он ей, — по возвращении со свидания с матерью; тут же передала мне и другое Ваше послание, многое хочется на него сказать. Пооба не скажу... а вновь вижу, и пусть все черные силы мира соединятся воедино, и то мне ныне ничто, ибо Вы со мной, и мы все равно должны победить!»

Спасибо.

Любязий и обожающий Вас Уллубий.»

Но по многое — не по счету строк, а по сердечному счету многое, что он сказал в ответ на коротенькое ее признание:

«Дорогая Тату!»

Разрешив наконец назвать тебя ты, ведь мы до сих пор были на вы. Я старался, как мог, пройти свой недлинный экзистенциальный путь. Никто не скажет, не смеет сказать, что я был нечестен и т. д., не смеет меня поносить. Этого вполне для меня достаточно. Какова была моя жизнь? Поверь мне, не видел я радости с самых малых лет; и вот теперь, оказавшись на закате я навет себе солнце, улыбаюсь мне асое, чистое небо, и эта улыбка была твоя. Да, твои димные глаза говорили, чтобы я шел задумав и смею, что отниме имею много, дорогое чувство. Ты очень коротко на мое письмо ответила: «Ведь я люблю Вас. Этого мне достаточно, я счастлива с твоей минутью. Но разлука, и вечная, так скоро нас с тобой настала! Замени! Не забудь!»

Будь ты смела и решительна, как всегда. Посуди... молодость, обновляющая жизнь, мировая борьба в разгаре; запомни, что на мне свет жизни не сошелся! Будь тверда и с гордо поднятой, чудной своей головной шапкой и светлым будущему, ведь в нас бездна возможности. Если ты меня любишь всей душой, не трать ни одной слезы — пусть глаза твои не высыхают. Если ты меня любишь всеми своими помыслами, не опуски доу глаз свое, пусть никто из них не заметит твоей слабости, напротив... пусть каждый встретит можно в твоих глазах и заерзает, как преступник.

Прощай, дорогая далекая и такая близким поделуема.

А потом настал август 1919 года — с этого времени и начался наш расквас о коммунисте Уллубий Бунайкинском.

Ранним утром в раскрытое окно домика семьи Булаев в Темир-Хан-Шуру в бросил в тюрьму Уллубий Бунайкин.

Несколько предсмертных строк:

«Могу быть расстрелян,

ничуть не боюсь.

Я Вас люблю.»







кратно накануне концертов Жака Ферра предупредили, чтобы он не исполнял на репетициях такие песни, как «Потемкин», «Федерико Гарсиа Лорка», «Куба — да». Мотивировка бывала самая различная: «Потемкин» нельзя петь из-за империалистической кампании, «Федерико Гарсиа Лорка» — так как на концерте присутствуют посол Франкистской Испании, «Куба — да» — оскорбление американцев. Подобные запреты не приклеивались и такого рода рекомендации. Свои политические взгляды он высказывал публично: «В нашем мире существуют авторитаризм и авторитаризм... Я всегда на стороне авторитаризма».

Каждый французский журнал «Мы, женщины и девушки» взял интервью у знаменитого шансона. Что вы думаете о жизни сегодня?

Мы живем в мире насилия. Все чего-то боится. Что касается Франции, ее политический климат в последние годы весьма характерен для буржуазного мира. Поскольку во всех областях, атакуемых все сколько-нибудь либеральное, Буржуазия ведет наступление на созданные ею же учреждения, которые теперь представляются ей опасными.

Какое место отводите вы песне в мире насилия?

В общественной и политической жизни, не говоря уже об искусстве, песня играет важную роль. Однако в нашей стране вот уже долгое время существует нечто вроде заговора против созданных во Франции песен. Даже официальные органы Совета композиторов свидетельствуют о том же: 60, в иногда 65 процентов песен, передаваемых по радио и телевидению, иностранного происхождения.

Тем самым наносится серьезный ущерб усилиям наших композиторов, молодых исполнителей, пытающихся поднять на более высокой уровень французскую песню.

«СОВЕТСКАЯ МУЗЫКА», СССР

8.



Подобно скрипичной струне, присвистывая в колебания смывком, раскачивается на ветру подвесной мост; натянута между высокими опорными башнями. Солдаты, переходящие мост, идут не в ногу, чтобы не допустить опасного раскачивания моста. Под действием внешних сил колебания могут стать настолько сильными, что материал конструкции не выдерживает возросших нагрузок и мост разрушается.

На этом снимке запечатлено разрушение Такомского моста (штат Вашингтон) 7 ноября 1940 года, когда обрушился главный пролет. Ветер со скоростью

70 км/час вызвал колебания моста, раскачивая и изгибая его. Подвесные резко удушились, когда полетел камыш, на котором была подвешена проезжая часть моста. С ростом амплитуды колебаний она выгнулась наверху (на 35 м линия горизонта), затем образовалась петля, разорвав центральный пролет. На снимке: главный пролет уже исчез; остались только деформированная боковая ферма.

«НУРЬЕК КИЕСКО».

9.

Хватит ли у Англии наличных ресурсов, чтобы расплатиться с внешними долгами, если в один прекрасный день все ее кредитеры вдруг прекратят вносить? Слесты Англию от банкротства спасают огромные производящие национального богатства страны, выходящие лавинными и другие источники ценности. Правительство пришлось бы продать в частные руки предприятия, собранные в Национальной галерее, колонию Ньюфаундленд, выходящую за пределы своего замка, Шансионский театр в Стратфорде, Траффалгскую площадь в Лондоне. Вульфганг фон номанду Англии, выигравшему в 1966 году звание чемпиона мира.

«МИРРОФ МЭТЗИН», АНГИЯ

10.

Полуживым египтянам 23-летний кубинец Армадо Соарес вел разведочный, пассажирского самолета испанской авиакомпании «Иберия». Восемь с половиной часов полета над Атлантической океаном из Гавайи в Майоти он провел в компании для шасси. Без кислородной маски на высоте 9 километров он перенес 40-градусный холод. Возле шасси встретил Соарес негодный без сознания. При выпуске шасси он упал с 30-метровой высоты и остался жив.

«ГРАЖДАНСКАЯ АВИАЦИЯ», СССР

В начале 1970 года бывший канцлер ФРГ Людвиг Эрхард был уволен с работы. Руководство фирмы «Аргента интернационале авиалайнеров» в письменном виде уведомили правительство федерального правительства о том, что они нуждаются в самолете для своих зарплат.

После ухода в отставку с поста канцлера в декабре 1968 года Эрхард неустойчиво искал возможности заработать. В руководстве фирмы помогать в этом знакомый бизнесмен, эмигрировавший в США. Людвиг Эрхард стал в ФРГ представлять интересы нью-йоркской авиакомпании, занимающейся доставкой птицы и мяса. В партнерстве между экс-канцлером (свыше 10 тысяч марок пенсия и депутатского жалования) он сумел заработать 18 тысяч марок плюс значительную сумму на «издержках».

Партнерство между экс-канцлером и его завсегдатаем другом закончилось весной прошлого года (главным образом утвердилось, что Эрхард не справился со своими задатками).

В поисках новых работодателей бывший канцлер искал вести переговоры с различными зарубежными компаниями. Однако друзья по христианскому демократическому союзу направили своему почетному члену Эрхарду предложение уйти из его руководства «чисто западногерманской фирме».

Так он получил сезонно оплачиваемую работу в мюнхенской фирме «Автоматизировать» фирмы Пондлер не скрывал радости: «Эрхард поможет нам приобрести клиентуры». Сбылся Пондлер и искренне признает свою ошибку. Таким образом, бывший канцлер, прогнавший нундта отцом экономического чужака, со своей стороны упустил свое собственное финансовое положение.

«ШПИГЕЛЬ», ФРГ

12.

Профессор Зенек Коппа из Манчестерского университета (Англия) предложил использовать для энергоснабжения некоторых объектов энергию, получаемую при помощи солнечных батарей, установленных на поверхности Луны (как известно, на Луне отсутствует облака, задерживающие солнечное излучение). От солнечной батареи площадью 6 квадратных километров или 100 тысяч м<sup>2</sup> можно получить от 10 000 до 100 000 мегаватт электроэнергии.

Расположенные по лунному экватору на расстоянии 192 км одна от другой, солнечные батареи станут непрерывно снабжать Землю электроэнергией. Передача ее на нашу планету будет осуществляться при помощи лазера.

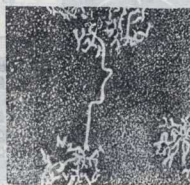
«САВНС НЬЮС», США

13.

В последнее время многие кинематографы и рыболовы настойчиво изучают поведение акулы атлантического океана на рваных немотках, но оставалось неясным, что случается с акулами при поисках своих жертв. Недавно американскому ученому удалось впервые записать на пленку низкочастотные звуковые волны, исходящие от рваных немоток, и описать их пространственную координацию движений. Ученый предположил, что акулы при включении записи под водой со всех сторон, даже с расстояния свыше 300 метров слышат и источнику эту звуковую. Так было выявлено, как в каком-то акулы слышат быстро обжимающую в воде рваных немоток.

В процессе изучения этих животных выяснилось еще одна интересная особенность акулы кинематографической. Ученый обнаружил, что детеныш этих акул, находясь еще в материнской утробе, то есть еще до появления на свет, поворачивает своих собственных собратьев! У взрослой самки акулы имеется две полости, в которых находится около 100 детенышей акулы. Акулы — обычно инородные рыбы, отличающиеся изначальным новорожденными детеныши еще некоторое время «держатся» в материнской утробе. Однако при этом выплывают только два детеныша, появившиеся в утробе. Вульфганг фон номанду крестники, они поворачивают своих братьев и сестер, появившихся позже них.

«ДАС ТИФР», ФРГ



Доктор Джон Сектор, студент Лоренса Эрли и доктор Дэвид Шапиро из Гарвардского медицинского института впервые с помощью вируса изолировали и сфотографировали группу бактериальных клеток.

Это открытие позволит исследовать молекулярную природу гена и будет способствовать прогрессу в изучении наследственности и ее роли в медицине и сельском хозяйстве. Однако метод, примененный американскими учеными, позволяет изолировать гены лишь в простейших организмах. Простейшим же немало работы, прежде чем будут изолированы гены у высших растений и животных организмов.

«НЕНЧУР», США

15.



По мнению многих американских ученых, бомба удобней приспособлена. Оставленная в чуждом доме в сумке в магазине, ущемленная, подвешенная на расстоянии в виде послышав адресату, она позволяет преступнику почти всегда остаться незамеченным. По подсчетам полиции Лос-Анджелеса, в городе ежегодно взрывается более сотни бомб, в основном самодельных, и почти столько же бывает обнаружено невзорвавшимися.

Для борьбы с «динамитной эпидемией» шериф Лос-Анджелеса создал специальную команду, которая выезжает на место для обезвреживания бомб. Чтобы не пострадать от случайного взрыва, члены команды одевают специальные нейлоновые костюмы, похожие на доспехи средневекового рыцаря. Микроскопический миллион натрий на гибкий каркас и защищает от действия ударной волны.

«ТРИУНО», ИСПАНИЯ

# Шахматная олимпиада «Смены»

## XIII Шахматная олимпиада «Смены» (см. №1 и 4)

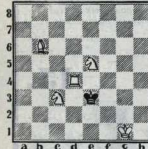
### ТРЕТИЙ ТУР

Свершением третьего тура нашей шахматной олимпиады является разбор и решение задач, этюдов и позиций из сыгранных шахматных партий.

Срок отправления писем в редакцию на третий тур олимпиады — 30 мая с. г.

### ЗАДАЧИ

#### I

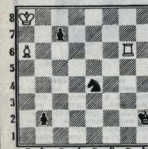


Белые начинают и дают мат в два хода (2 балла).

#### II

Белые начинают и дают мат в четыре хода (4 балла).

### ЭТЮДЫ



Белые начинают и делают ничью (3 балла).

#### II

Белые начинают и выигрывают (3 балла).

### ИЗ ПРАКТИКИ

#### I



Ход черных. Какой комбинацией они могут добиться преимущества? (2 балла).

#### II

БЕЛЫЕ: Крg2, Фd4, Лa1, Лd1, Сс5, Кс3, Кz2, п. a2, b2, e4, f2, g3, h3.  
 ЧЕРНЫЕ: Крf6, Фe7, Лc6, Лf8, Сс5, Кe5, п. b7, c7, b7, d4, f7, g7, h7.

Ход черных. Как должна закончиться игра при наилучших действиях обеих сторон? (4 балла).

### ДИПЛОМЫ — 186 ЧИТАТЕЛЕЙ

Более двух тысяч любителей шахмат приняли участие в конкурсе на лучшее решение задач, объявленного в «Смене» № 19 за 1969 год. Многие участникам конкурса посланы удостоверения шахматистов-разрешенников. Правильные и наиболее полные решения композиций прислали: АРСЕНИЙ АНАНЬЕВ, эконоинженер городского управления лесхоза-лесхозупотребителя, БОРИС БОРНИН, инженер-конструктор ИИЛ А ЕФИМОВА, сотрудник Внешторгбанка, ВИНТО ОРШИН, студент (все четверо — Москва), ВАЛЕНТИН БАРАН, инженер-конструктор турбинного завода (Калуга), АНАТОЛИЙ ЗАГУРСКИЙ, начальник смены металлургического завода (Дзержинск), ВАСИЛИЙ ЗАГОСКИН, каменщик строительной бригады м.р. Погарский, Крымского района, Кировской области), ФЕДЯК ИКОНОВАЛОВ, главный инженер проекта «Росгипрогаза» (Новосибирск), НИКОЛАЙ НАТВИКОВА, доцент университета (Черновцы), ЮРИЙ ОСОБОВИЧ, воспитатель школы-интерната (Тольятти, Вологодской обл.), ЮРИЙ ПЕТРОВ, рабочий обогатительной фабрики (Ворошиловградская область), ВЛАДИМИР СЕМЕРСКИЙ, слесарь завода железобетонных конструкций (Чусовск, Пермской области), НАДЕЖДА СИМОНОВИЧ, кассир магазина № 8 (Ижевск), ГЕНАДИЙ ЧУМАКОВ, мастер (Находка, Приморского края), ПЕТР ЧУМОВ, преподаватель, сельхозинститута (Ворошиловград), и другие, всего 186 человек.

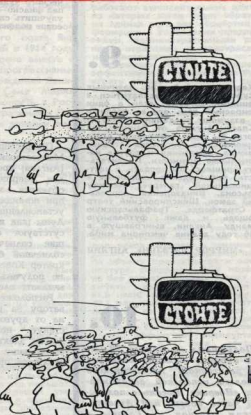
Редакция «Смены» благодарит всех читателей, принимавших участие в шахматном конкурсе, а его победителей поздравляет с достигнутыми успехами и награждает дипломами.

Приводим краткие ответы на конкурсную задачу:

№ 1 — 1. 0-0-0! Кр: e6 2. Кс5 x7; № 2 — 1. Сd1! Кс6 2. Кd4! К: e4 3. Кd6 x7; № 3 — 1. Лd1! Кz2 2. Кf5! Кf5 3. Кz3 4. К: f4 1. Фd1 Кр: e2 2. Кa4 4. Кр: b7 3. Ф: e6 4. Кр: c6 4. Сd4 x7; № 4 — мат дается 36 ходов после: 1. Кf5 Кр: f3 2. Кр: h2 Кр: e2 3. Кр: e2 Кр: f4 4. Кр: f2 Кр: e2 3. Кр: h2 f6 6. Кр: e2 Кр: f7 7. Кр: h2 Кр: e2 8. Кр: h2 и т. д.



Рисунки Андрея НЕКРАСОВА

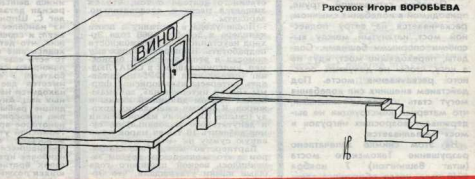


«ЭТОТ НЕГОДИЙ ОПЯТЬ КЛЯНЧИТ ДЕНЬГИ НА КИНО».

Рисунки Ниноллы КАЛУЖИНА

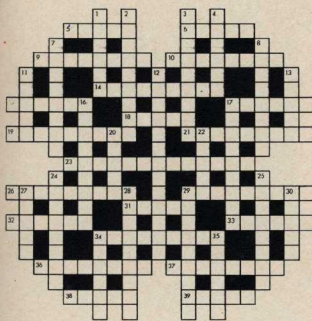


Рисунки Игоря БОРОБЕВЕВА



# КРОССВОРД

Составил Г. ВАСИЛЕНКО,  
г. Магадан



### По горизонтали:

6. Невысокое плоскогорье.  
8. Прыток тополя. 9. Мера жидкости. 10. Выемка в грунте для замка двери. 11. Французский народный танец. 15. Разновидность атома химического элемента. 17. Советский конструктор артиллерийского вооружения. Герой Социалистического Труда. 18. Опера С. В. Рахманинова. 19. Место, специально оборудованное для испытания боевых машин. 21. Систематизированное собрание однородных предметов. 23. Прибор для разбрызгивания жидкости. 26. Охотничий пог. 29. Народный художник СССР, рисующий под коллетивным псевдонимом. 31. Музыкальный темп. 32. Город в Луизиане. 33. Французский писатель XIX века. 34. Советские врачи для уточнения диагноза. 36. Сборник литературных произведений. 37. Народный артист СССР. 38. Сорт нефти. 39. Рыба в Грузии.

### По вертикали:

1. Персонаж оперы М. И. Глинка «Руслан и Людмила». 2. Порт в Нидерландах. 3. Небольшая птица, обитающая у водоемов. 4. Сельскохозяйственная машина. 7. Раздел биологии. 8. Полуостров на северо-востоке Азии. 11. Платяные нитки из яркого, блестящего материала. 12. Топливо, объясненное смесями. 13. Опера З. Паянцовой. 16. Русский борец, неоднократный чемпион мира по французской борьбе. 17. Тельняшка для фототирования Солнца. 20. Лиственное дерево, кустарник. 22. Порт в Японии. 24. Советский композитор. 25. Художник-передвижник. 27. Город в Тамбовской области. 28. Задвижка для створки окна, двери. 29. Повесть Ю. Либедникова. 30. Парнокопытное животное с ветвистыми рогами. 34. Деталь музыкального духового инструмента. 35. Кристаллическая горная порода.

### ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

#### По горизонтали:

3. Гурьев. 6. Маргелан. 9. Народная. 10. Дьяконо. 11. Авторграф. 15. Марс. 17. Секретарь. 20. Яма. 21. Тухунец. 22. Методика. 23. Бис. 25. Дваринское. 27. Роза. 29. Метатеза. 31. Феррерия. 32. Аландцы. 33. Спринтер. 34. Сталова.

#### По вертикали:

1. Хрустов. 2. Гинна. 4. Нарьер. 5. Белоус. 6. Соболь. 7. Магала. 12. Сметана. 13. Бегония. 14. Вольфий. 16. Сонет. 18. Кабра. 19. Алмаз. 20. Задор. 21. Стенко. 25. Датчич. 28. Сервич. 29. Оливер. 30. «Арабат». 31. Фосфор.

# ВЕСНА

Слова и музыка Людмилы ИВАНОВОЙ

Музыкальная обработка Вадима СЕРЕЖНИКОВА

Наверно, вы все замечали,  
Как вдруг розовеет березы,  
Как вдруг молодеют березы  
И знают, что близко весна...  
Ну как же вы не замечали!  
Ну разве вы не замечали,  
Как сбросила сны и печали  
И помолодела сосна!

На улице снежная каша,  
И сколько, и сыро, и мутно,—  
Хозяин собаку не лустит,  
А мы все гуляем с тобой.

Мы верим: весна нам откроет,  
Откроет хотя б на минуту  
Ключок очень светлого неба,  
Прозрачный ключик голубой.

Потом я домой возвращаюсь,  
А все надо мною смеются:  
Сосенки ты свинулись, дочки,—  
На улице серая афта.  
Ну как же вы не замечали!  
Ну разве вы не замечали!  
Я видела синее небо,  
Когда я по улицам шла!



1. Данную фигуру раздели на две абсолютно равные части.

2.

Нарисуйте 25-многоугольник шахматную доску и ходом юнги по старайтесь обойти все поля доски, не останавливаясь по два раза ни на одном поле.

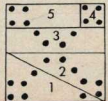
7	12	17	22	5
12	17	22	27	32
17	22	27	32	37
22	27	32	37	42
27	32	37	42	47
32	37	42	47	52

### ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 5

1.



2.



На делении № 2



В. ИВАНОВ. «Человек родился»



Наталья ДМИТРИЕВА

## ПУТИ. ДОРОГИ ЮНОСТИ

Снова гостеприимно распахнуты двери Центрального выставочного зала в Маминге. На этот раз нас встречает праздничное многоцветье полотен, ковзачных ланго, прикладной графики, прикладного искусства. Все это — своеобразный творческий отчет москвичей художников. За это время было создано около десяти тысяч оригинальных работ, почти все художники столицы приняли участие в подготовке и выставке, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Центральное место на этой выставке отведено образу вождя. Кажется, нет здесь такого вида изобразительно-го искусства, которое не по-могло бы зрителям вновь и

вновь возвратиться мысленно к Владимиру Ильичу Ленину — вождю пролетариата, осливому, человеческому человеку. С ним неразделима историко-революционная тема, тема защиты Отечества, строительства социализма и коммунизма.

Выставка эта — знаменна на зрелость, особенно для молодых художников. Здесь в открытую заявляют они о себе, о своем активном, гражданском отношении к сложным жизненным процессам. И в их работах мы узнаем своих современников, узнаем о славных делах молодежи нашей страны. И что очень важно — именно в произведениях молодых московских художников наиболее полно и под-

ребно, наряду с ленинской темой раскрыта тема военно-патристическая. ...Непримирима и нерасторжима связь поколений. Вот они, все вместе и разом, в одном зале, объединенные одной идеей, одной целью, одной любовью и Родине, партии, народу — на полотнах и в листах графики, на ланго и в скульптуре — мастера изобразительного искусства, от народных художников СССР, андеграунда и до тех, кого только недавно приняли в Союз художников, для кого эта выставка первая, только начало творческого пути, но начало знаменательное и замечательное начало!

Д. КОСЬМИН. «Годы смелки. Журнал над Шувениским летат».

